

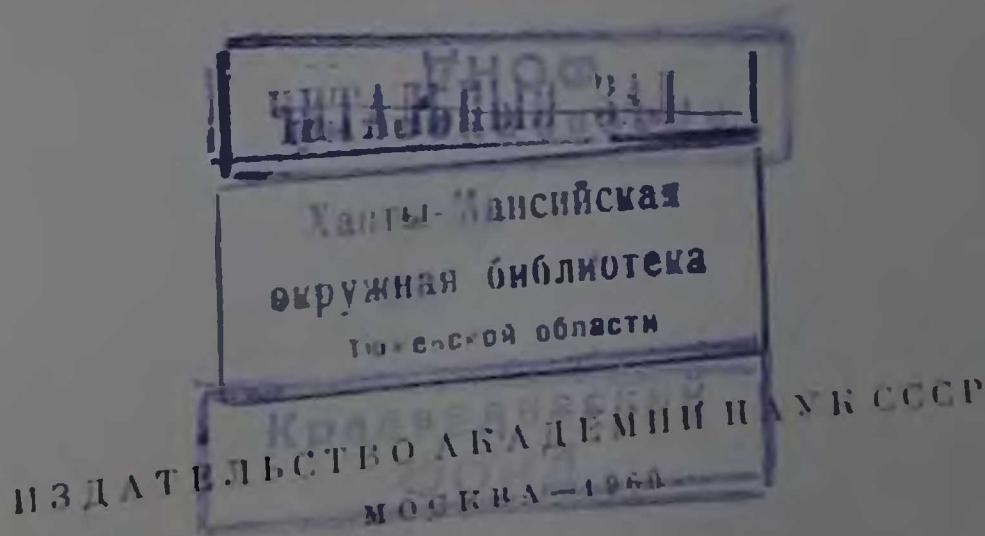
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
НОВАЯ СЕРИЯ, ТОМ LV

Б. О. ДОЛГИХ

РОДОВОЙ
И ПЛЕМЕННОЙ СОСТАВ
НАРОДОВ СИБИРИ
В XVII В.

1048 кр

ВВЕДЕНИЕ

Основной задачей настоящей работы, как показывает ее название, является установление племенного и родового состава коренного населения Сибири в XVII в., т. е. ко времени прихода в эту страну русских. Поскольку коренное население Сибири в тот период находилось в основной своей массе на ступени патриархально-родового строя и поэтому состояло из родов и племен, то установление родоплеменного состава народов Сибири в XVII в. фактически является установлением с возможной подробностью всей этнографической структуры и этнического состава коренного населения Сибири в период включения его в пределы Русского государства.

Одним из итогов данной работы является карта, на которой показаны территории этнических общин, складывающиеся из контуров территорий, занятых племенами и родами, известными нам по письменным источникам XVII—XVIII вв.

Нельзя не отметить, что одно время в русской и даже в советской науке в отношении народов Сибири существовал некоторый разрыв между этнографией и собственно гражданской историей Сибири. Историки в своих работах на сибирские темы оперировали большим количеством родоплеменных пазваний народов Сибири, заимствованных из архивных источников. Но обычно не было известно точного расселения упомянутых родов и племен, их численности, того, что часто под разными названиями имелась в виду одна и та же группа, и не знали, как правило, потомков данной группы в современном населении Сибири. Этнографы же устанавливали существование у народов Сибири родов, фратрий, племен, но названия, расселение, сочетания этих родов в племена не увязывались, не совпадали с родоплеменными группами, установленными по архивным источникам. Даже если такие соответствия между родовыми группами XVII в. и позднейшими родами конца XIX и начала XX в. иногда устанавливались, то это были обычно частные случаи.

Такой разрыв между этнографией и историей народов Сибири привел даже к тому, что его стали объяснять теоретически. Наблюдая, например, случаи несоответствия современной родоплеменной структуры народов с исторически сложившимся на базе родоплеменных делений старым административным устройством народов Сибири, некоторые этнографышли на путь огульного отрицания за историческими источниками, историческими данными и исследованиями всякого этнографического значения и даже отрицали научное значение данных о родоплеменном составе народов Сибири, заимствованных из архивных источников. Появилось утверждение, что все административное устройство народов Сибири в прошлом — это лишь «скверный анекдот» (Штернберг, Рычков), другие считали, что русские в XVII в. не сумели разобраться в родовом составе народов Сибири

и поэтому искусственно приписывали одни роды к другим (Широкогоров), третья предполагали, что русские создавали какие-то особые «ясачные роды» и т. д. О родоплеменной структуре народов Сибири писали и говорили как о какой-то всеобщей конспиративной организации, противостоявшей официальному административному устройству и не имеющей ничего, или очень мало, общего с родовыми делениями народов Сибири, выявленными уже в XVII в.

На самом деле та родоплеменная структура народов Сибири, которая в конце XIX и в начале XX в. выявлялась этнографическим путем, целиком восходила к родовым и племенным подразделениям народов Сибири, установленным в XVII в. Суть дела заключалась лишь в том, что некоторые роды, существовавшие в XVII в., вымерли, другие размножились и разветвились, в результате чего появились новые роды с новыми названиями, не известными в XVII в., и т. д. С другой стороны, административная система царизма была очень консервативна. Ее развитие отставало от процессов, указанных выше, что и привело к тем несоответствиям, которые отмечались этнографией. Происходили и другие процессы, например перерастание патриархально-родовых общин в соседские, но все эти процессы поддаются учету и изучению как по историческим источникам, так и методами полевой этнографии. При этом данные истории и этнографии не только не противоречат, но и взаимно дополняются, способствуя уяснению действительно происходивших процессов.

В качестве своего практического результата данная работа стремится содействовать:

1. Разрешению этногенетических проблем, связанных с народами Сибири, путем реконструкции этнографического состава населения Сибири со всеми возможными деталями, до того, как наступили изменения, вызванные дальнейшим развитием этих народов уже в составе Русского государства.

2. Уточнению и конкретизации процесса освоения русскими Сибири в XVI—XVIII вв. путем введения в научный оборот сведений о численности, расселении и дальнейшей судьбе всех тех народов, племен и родов, с которыми входили в контакт русские при своем движении по территории Сибири в указанные столетия.

3. Разработке истории современных народов Сибири путем уточнения данных об их предках в эпоху прихода в Сибирь русских.

4. Разработке теоретических вопросов, связанных с изучением форм родового строя у народов Северной Азии.

Основными источниками для выполнения данной работы явились архивные материалы, а именно фонды Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА) в Москве, Архивов Академии наук СССР и Института истории Академии наук СССР в Ленинграде. Из фондов ЦГАДА следует в первую очередь отметить фонд Сибирского приказа (№ 214) и фонды приказных изб (т. е. воеводских канцелярий) Якутской (№ 1177), Иркутской (№ 1121), Нерчинской (№ 1142) и Баргузинской (№ 1105). Использованы были также и некоторые так называемые «Приказные дела старых лет». Очень важные данные были извлечены из известных портфелей Миллера, хранящихся как в ЦГАДА (ф. 199), так и в Архиве АН СССР (ф. 21, оп. 4). Из материалов, хранящихся в Архиве Института истории АН СССР в Ленинграде, особенную ценность для нас представляют так называемые «Якутские акты». Но отметим, что фонды архивов, особенно ленинградских, нами использованы далеко не полностью и мы можем рассчитывать поэтому на существование ряда неизвестных еще данных как подтверждающих, так и уточняющих, дополняющих и исправляющих известные нам сведения о родоплеменном составе и расселении народов Сибири в XVII в. Надо также оговорить, что мы не ставили

перед собой задачи исчерпать имеющийся по нашей теме архивный материал, да это и вряд ли было бы под силу одному человеку. Мы стремились лишь найти нужные нам сведения для выполнения поставленных задач. Правда, по некоторым этнографическим группам данных было обнаружено недостаточно и здесь в дальнейшем необходимо продолжить поиски для окончательного установления отдельных фактов.

Важной категорией источников являются и историко-этнографические материалы, собранные исследователями Сибири в XVII в. Здесь в первую очередь мы имеем в виду два имени — С. И. Крашенинникова и Г. Ф. Миллера.

«Описание земли Камчатки», особенно в его новом академическом издании 1949 г., в котором напечатано несколько до сих пор неопубликовавшихся рукописей Крашенинникова, остается главнейшим источником для реконструкции расселения и племенного состава камчадалов и отчасти курильских айнов и коряков. Дополнить данные Крашенинникова о камчадалах мы смогли по существу лишь сведениями, почерпнутыми из нескольких разрозненных ясачных книг Камчатки 1715—1717 гг., хранящихся в рукописном фонде Библиотеки им. Ленина, а также из ясачной книги камчатского приказчика Тимофея Кобелева за 1702—1703 гг. из фондов ЦГАДА.

Из материалов Миллера, помимо известных коний с дел сибирских архивов, хранящихся в Архиве АН СССР (ф. 21, оп. 4), большое значение для нашей работы имели его рукописные этнографические заметки о народах Сибири, хранящиеся в ЦГАДА (ф. 199). Особено ценные в плане настоящей работы его сведения о родовом составе и расселении родов котов, асанов, моторов, кашинцев, камасинцев, родов предков карагасов и родов других народов, живших на территории Красноярского уезда. Сопоставление этих данных Миллера с соответствующими данными из фонда Сибирского приказа позволило уточнить расселение всех этих, по большей части исчезнувших, родов, а главное — установить в ряде случаев языковую принадлежность членов этих родов. Большое значение рукописные материалы Миллера имели для описания родов и племен Нерчинского уезда и для описания населения других уездов. Из литературы XVII в. следует отметить также труды И. Г. Георги, Г. В. Штедлера и рукописные материалы К. Мерка, изученные И. С. Вдовиным.

Много данных было извлечено из изданий в XIX в. известного собрания исторических документов «Дополнения к актам историческим» и различных других сборников документов, из материалов Николая Спафария, из атласа Семена Ремезова и т. д. Из исследователей конца XIX и начала XX в. отметим большие статьи профессора Харьковского университета П. Н. Буцинского, работы известного архивиста Н. Н. Оглоблина и этнографа-статистика С. К. Патканова¹.

Очень большое значение для осуществления настоящей работы имели также труды советских историков и этнографов, изучавших народы Сибири, в которых подыскиваются литературные данные и используется большое количество опубликованных и неопубликованных архивных материалов, — С. В. Бахрушина, З. Я. Бояршиновой, И. С. Вдовина, И. С. Гуревича, А. П. Окладникова, Л. П. Потапова, Н. Н. Степанова, С. А. Токарева, В. И. Шункова и др. Особо следует отметить источниковедческие исследования А. И. Андреева, А. В. Ефимова, М. О. Косвена и ряд советских публикаций архивных документов: «Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в.», «Колониальная политика царизма на

¹ Все сопоставления и ссылки на данные переписи 1897 г. сделаны по труду С. К. Патканова «Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев», т. I, II, III, СПб., 1912.

Камчатке и Чукотке в XVIII в.», приложения к академическому изданию «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера, «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах» М. М. Белова, «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на северо-востоке Азии» Н. С. Орловой и др.

Помимо опубликованных и неопубликованных документальных источников, были привлечены также данные топонимики, землепользования, исторические предания и другие этнографические источники. В качестве главнейшего итога своей работы автор, как уже было сказано, представляет этнографическую карту Сибири XVII в. Естественно, что для составления такой карты данные топонимики и землепользования имели очень важное значение.

Данные топонимики помогали уточнить границы народов на стыках этнических групп, которые говорили на языках, принадлежавших к различным лингвистическим семьям, например кетов, асанов и котов, с одной стороны, и тунгусов, с другой, между юкагирами и чукчами и в других местах. В некоторых случаях в названиях рек и гор сохранились названия родов или имена лиц, возглавлявших эти роды и некогда кочевавших здесь.

Материалы землепользования особенно заметную роль играли в районах, населенных скотоводами. Они помогали установить границу между этими скотоводами и охотниками-оленеводами, а также между племенами и родами внутри территорий, осваиваемых этническими группами скотоводов. По данным землепользования написано, например, на карту расселение амгинско-ленских якутов и их подразделений, части бурятских племен и родов и некоторых других этнографических групп.

Полевые этнографические материалы, предания и т. п. особенно большую роль играли для районов, сравнительно слабо освещенных в документальных источниках XVII в., а именно для низовьев Енисея, бассейнов Хатангии, Нижней и Средней Тунгусок, словом для той территории, которая в XVII в. вся входила в Мангазейский (Туруханский) уезд. Недоставало здесь главным образом данных о территориальном размещении племен и родов в XVII в. Но как раз большую часть именно этой территории автор объездил лично во время своей полевой этнографической работы, и поэтому здесь он обладал наибольшим количеством этнографических материалов, которые восполнили в некоторой степени пробелы документальных источников.

Мы стремились к сочетанию всех видов источников. Но в процессе работы выяснилось, что только архивные материалы имеются у нас в достаточном количестве почти по всей Сибири. Практически работа свелась к дополнению и корректированию архивных данных другими видами источников.

Оговорим следующее обстоятельство. Почти все наши данные о чукчах, эскимосах, коряках, камчадалах и айнах относятся к XVIII в., главным образом к его первой половине. Используя их, мы пытались установить численность и расселение этих народов к концу XVII — началу XVIII в., когда русские вошли в контакт с ними. Здесь, конечно, имеется элемент условности. Но так как развитие этих народов до прихода русских протекало очень медленно, грубых ошибок здесь не должно быть, тем более, что в каждом отдельном случае мы учитывали по возможности направление их развития и сообразовывали с этим наши расчеты численности населения и контуры территорий отдельных групп населения на карте.

Отметим также, что у чукчей, эскимосов, коряков и камчадалов наши источники не выявляют родовые деления и поэтому нам здесь приходится ограничиваться выявлением территориальных и диалектальных групп, которые, весьма вероятно, в ряде случаев соответствуют племенам (см. ниже).

Что касается курильских айнов, то вопрос о родах у них остается открытым. Слово «род» в отношении группировок айнов иногда источниками употреблялось, но оно же иногда употреблялось и в отношении оленевых коряков, у которых родов не было, что признают иногда сами авторы этих документов.

Среди коренного населения Сибири (с Приамурьем, Сахалином и Курильскими островами) выделяется 12 языческих групп. Это обские угры, самоеды, кеты, тюрки, монголы, маньчжуры, тунгусы, юкагиры, северо-восточные чалеаизиаты (коряки с чукчами и камчадалы), эскимосы, айны (курилы) и гиляки. Эти языческие группы мы выделяем на карте разными цветами. Надо сказать, что в архивных источниках большая часть этих названий не встречается. Обские угры были известны русским в XVII в. под названиями остыков и ногулов. Самоедоязычные селькупы были известны также под названием остыков, а саянские самоеды — под названием татар или под именами и родовыми названиями моторов, камасинцев, карагасов и т. д. Северные кеты тоже были известны под названием остыков, а южные кетоязычные племена назывались татарами («канские татары», «аринские татары» и т. д.). Тюркоязычные народы назывались татарами (большинство), а также «белыми калмыками» на Оби, киргизами на Енисее и якутами на Лене. Тунгусами назывались, помимо собственно тунгусов (эвенков), и предки ламутов (эвенов) и ногидальцев. Маньчжуриоязычные народы Амура были известны русским XVII в. под названиями дючеров, натков и др. Эскимосов русские не отличали от приморских чукчей. Айны были известны под названием курилы или «черные люди куи». Среди монголоязычных народов, русские различали собственно монголов («сугалы»), предков бурят («братья люди») и даур (на Амуре). Юкагиры и гиляки были известны под этими же названиями. Часть юкагиров фигурировала также под именами и территориальными названиями — чувашцы, ходынцы, анаулы.

Чрезвычайно заманчивой задачей было дать в настоящей работе, наряду с характеристикой этнографического, родоплеменного состава населения, его хозяйственную и социально-экономическую характеристику. Но работа, даже в пределах нашей суженной тематики, так разрослась, что какое-либо ее расширение не представлялось возможным. Кроме того, более или менее детальная разработка вопроса о хозяйственном типе и социально-экономическом строе даже одного какого-нибудь народа Сибири в XVII в. представляет по существу самостоятельную большую тему, требующую привлечения значительного количества материалов, которые при разработке темы об этнографическом, родоплеменном составе населения не привлекались и не разыскивались в архивах. На это мы без риска ослабить работу по нашей основной теме пойти не могли. Тем не менее в тех случаях, когда наши источники сообщали некоторые данные о хозяйстве и социально-экономическом строе, мы попутно вкратце излагаем их, не претендуя на то, чтобы эти сведения представляли какое-либо самостоятельное значение.

Поскольку данная работа посвящена родоплеменному составу населения Сибири в XVII в., то нам надо изложить, что мы принимаем под терминами «род» и «племя», что сообщают нам о них первоисточники.

По описанию Моргана, принятому Энгельсом, род является экзогамией группой кровных родственников, происходящих по мужской или женской линии (но обязательно по одной линии) от одного общего предка, имеющих свое общее родовое название, обязанных помогать друг другу, защищать друг друга, мстить друг за друга, имеющих свое самоуправление с должностными лицами (представляющими также род в органах самоуправления племени) и, кроме того, некоторые другие общие социальные и религиозные права, обязанности и традиции.

Термин «род» в документах XVII в. встречается очень часто, но содержание этого термина чрезвычайно варьирует. Иногда род — это просто большая семья. На это обратил внимание в свое время С. В. Бахрушин. Но иногда род — это народность, например в выражении «детища мунгальского рода». Таким образом, терминология источников нам не всегда может помочь. Однако если отвлечься от крайних случаев, то наиболее обычными для народов северной Сибири XVII в. окажутся три типа родов. Во-первых, выделяются большие роды (в несколько десятков и даже сотен трудоспособных мужчин), имеющие характерные родовые названия, свойственные данному народу. Такие большие роды с характерными, типичными родовыми названиями отмечены источниками XVII в. у северных самоедов, тунгусов, юкагиров, предков бурят; сюда же можно отнести и многие якутские «волости». Во-вторых, источники XVII в. выделяют обычно небольшие, в 10—20 трудоспособных мужчин, порой и меньше, но иногда и довольно многочисленные роды, которые, как правило, называются по именам лиц, эти роды возглавлявших. Иногда роды этой категории называются в источниках XVII в. улусами. Очень часто вышеуказанные большие роды первого типа распадаются на несколько таких родовых новообразований. В-третьих, некоторые маленькие роды (у иенцев, тунгусов и др.) самостоятельно существуют наряду с большими и имеют типичные для последних специфические для данного народа родовые названия.

Мы предполагаем, что вышеописанные большие роды — это фратрии, а их подразделения — собственно роды. Как известно, фратрией называется в этнографии дуальное подразделение племени, распространяющееся иногда даже на несколько племен. Но кроме фратрии этого архаичного типа, существовали, по Энгельсу, в частности в отцовско-родовых обществах, фратрии, которые были «первоначальным родом, расчленившимся на несколько дочерних родов»². Таких фратрий в племени могло быть не только две, но и больше, до десяти, как было в племенах древних римлян. По-видимому, большие роды народов Сибири, упомянутые выше, можно приравнять к такого позднейшего типа фратриям, а подразделения этих родов — к собственно родам, входившим в данные роды-фратрии. Что касается небольших родов, не входивших во фратрии, но имевших названия того типа, какие были у фратрий данного народа, то в этих родах можно видеть старые роды, которые в силу неблагоприятного стечения обстоятельств не смогли размножиться, образовать новые роды-подразделения и таким образом превратиться во фратрию. Это могли быть также роды сравнительно недавно образованные разными пришельцами, иноплеменниками и т. д.

Итак, мы можем различать у народов Сибири три категории отцовских родов: 1) древние большие роды — фратрии; 2) подразделения и ответвления этих родов — фратрий, вновь образованные и образующиеся собственно роды; 3) старые небольшие роды, не имевшие условий превратиться в роды-фратрии, а также небольшие роды, образованные пришельцами и т. п.

У разных народов имеются особенности, которые отличают их родовые образования от средних типов, указанных выше. Эти отличия читатель усмотрит сам в тех главах, где будет излагаться материал о родовом составе соответствующих народов.

Надо заметить, что не всегда имеются налицо в наших материалах одновременно и фратрия и род. Иногда в источниках зафиксированы только большие роды-фратрии и лишь случайно мы узнаем о существовании мелких родовых подразделений в этих родах. Наоборот бывают случаи,

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1950, стр. 105.

когда в источниках фигурируют только мелкие подразделения (роды, улусы) и лишь косвенным путем, никогда по этнографическим данным, можно установить существование группировок этих родов, т. е. фратрий. Возможны, конечно, случаи, когда фратрии были утрачены совершенно.

Отметим, что в двух областях Сибири источники XVII в. не выделяют роды (улусы) в качестве социальных группировок, использованных русскими служилыми людьми в качестве административно-податных единиц. Это, с одной стороны, крайний юго-запад Сибири (обские угры и сибирские татары), а с другой, как уже было сказано, — крайний северо-восток (северо-восточные налеоазиаты и эскимосы). Но в то время как у обских угров отцовский род все же упомянут В. Ф. Зуевым и выявлен В. Н. Чернавицким в процессе полевой этнографической работы, у северо-восточных налеоазиатов и эскимосов обнаруживаются лишь слабые пережитки матрилокального рода (матрилокальный брак у ительменов, отработка жены в хозяйстве тестя и др.) и, с другой стороны, некоторые элементы отцовско-родового строя (патриархальная семья, имущественное неравенство, патриархальное рабство и др.), однако самой родовой организации, как таковой, не обнаружено.

Большие роды-фратрии не являлись экономическими ячейками общества. Ими были большие семьи и собственно роды, подразделения и ответвления больших родов-фратрий. Иногда трудно решить, имеем ли мы дело с большой семьей или маленьким родом. В некоторых случаях можно возвести современный род к большой семье XVII в., от которой этот род произошел. Не будучи экономическими хозяйственными ячейками, большие роды-фратрии несли важные социальные функции: они обеспечивали существующий правопорядок и защиту интересов как отдельных своих членов, так и входящих во фратрию малых родов и всей фратрии в целом. Поэтому чем сильнее, т. е. многочисленнее, была фратрия, тем, конечно, лучше обеспечивалась защита интересов всей фратрии в целом, а также входящих в нее родов и составляющих эти роды лиц. Это обстоятельство, очевидно, и стимулировало существование больших, в несколько сот человек, родов-фратрий у некоторых народов Сибири. Наоборот, большие роды-фратрии быстро утрачивали свои социальные функции и распадались там, где появлялись другие силы, которым они не могли противостоять. Так было, например, в зонах контакта малых народов севера Сибири с сибирскими татарами, киргизами, предками бурят, даурами и т. д. Естественно, что русские завоеватели использовали фратрию в качестве административно-податной единицы, если она сохраняла свою жизнеспособность, и избирали в качестве административно-податных единиц другие объединения туземцев, в частности собственно роды, если она распадалась и утрачивала свои социальные функции.

Еще сложнее вопрос о существовании в XVII в. у народов Сибири племен и племенной организации. Мы исходили из утверждения Энгельса, что «встречая у какого-нибудь народа род как основную общественную ячейку, мы должны будем искать у него и организацию племени...»³. И действительно, на основании данных XIX — начала XX в., когда появились этнографические описания, характеризующие социальную организацию народов Сибири, и лингвистические исследования, установившие существование диалектных групп внутри народов, говорящих на одном языке, можно говорить о существовании у народов Сибири племенных группировок и элементов племенной организации, по крайней мере у некоторых из них.

По описанию Моргана, племя является этнографической группой, обычно частью более широкой этнолингвистической общности, состоящей из

³ Там же, стр. 99.

определенных родов и фратрий, имеющей свое название, занимающей определенную территорию, говорящей на одном диалекте, обладающей своей организацией самоуправления и общими элементами материальной и духовной культуры.

Организация племенного самоуправления появляется на определенной ступени исторического развития. В определенных условиях племенное самоуправление может распадаться и тогда высшей формой социальной организации остается род (фратрия). Но такое положение, т. е. отсутствие организации самоуправления в племени, не означает, по нашему мнению, что племя перестало существовать как определенная этнографическая единица, обладающая всеми вышеуказанными признаками, за исключением организации самоуправления.

В источниках XVII в. почти нет данных о том, как функционирует организация племенного самоуправления у народов Сибири. Наиболее явственно выступает племя в качестве социальной единицы у тех народов Сибири, у которых во главе племени стоит более или менее резко обособившаяся от остальных членов племени родовая или племенная аристократия. Так обстояло дело у «белых калмыков» (телеутов, видимо предков современных алтай-кижи), у енисейских киргизов, у племен предков бурят (у хоринцев и особенно у табунутов). У северных обских угров хорошо выражена родовая или племенная аристократия, возглавлявшая волости Обдор, Куноват, Казым, Ляппи, Сосьва и «княжества» Пелымское, Большая Конда, Кодское, Бардаково. Для нас неясно соотношение всех этих «волостей» («княжеств») с диалектическими группами хантов и манс. Если мы здесь имеем соответствие, то несомненно, что все эти волости и «княжества» представляли в XVII в. племена, возглавлявшиеся племенной аристократией. Вероятно, что племенами, хотя уже утратившими родовое деление, являлись такие группировки сибирских татар, как Саргач (с волостями Тав, Отуз и Тав-Отуз), Коурдак, Аялы и Бараба с ее ответвлениями. Волости Коурдак и Аялы считал племенами и В. В. Радлов⁴.

Без сомнения, единое племя образовали обдорские самоеды, предки современных сибирских тундровых энцев. Но если в источниках и фигурируют среди обдорских самоедов отдельные «лучшие люди», например известный глава Большой Карабеи Пось Хулесев, все-таки никакой племенной организации у обдорских самоедов обнаружить нельзя. Пось Хулесев пользовался некоторым влиянием, видимо, лишь как богач и глава самого многолюдного и потому сильного рода Большое Карабеи. Мы предполагаем также, что роды предков лесных энцев Бай, Мугади, Салырта, Нгасяда, Ючи и другие образовывали одно племя пэ-бай, а многочисленные роды тундровых энцев — другое племя, сомату. Но эти предположения мы делаем лишь на основании современных этнографических и лингвистических данных. В источниках XVII в. никаких сведений о существовании организации самоуправления племен из-бай и сомату не содержится, кроме разве того факта, что сначала большая часть, а затем и все роды племени сомату платили ясак в одном Хантайском ясачном зимовье.

Мы считаем, что племенами являлись основные группировки предков ногасанов — пясидские самоеды и тавги. Но это тоже устанавливается главным образом на основании современных этнографических данных. У тунгусов XVII в. мы считаем племенами ваниядов, шилягов, налягов и некоторые другие многочисленные группы, состоящие из нескольких устойчивых подразделений, обычно с типичными родовыми названиями. Правда, нам ничего не известно о формах брачных отношений и экзогамных или

⁴ В. В. Радлов. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. Иркутск, 1929, стр. 23. Радлов пишет не «коурдак», а «курлак».

эндогамных ограничений в этих племенах. Если эти группы, называемые нами племенами, являлись и экзогамными единицами, то это, конечно, вероятнее всего фратрии, а не племена. Можно предполагать, например, что все роды предков современных оленевых ламутов (эвенов), т. е. роды Долган, Уяган, Годнана, Горбикан, Килар, Дельян, Кукугир, Мемель, Буякесир и, может быть, некоторые другие, образовывали одно большое племя и, следовательно, современный ламутский (эвенский) язык восходит к племенному диалекту. Весьма вероятно, что конные тунгусы Забайкалья родов Дуликагир, Баягир, Колтагир, Почегор, Лункир, Шунин, Челкагир, Базыкагир, Чемчагир образовывали одно племя конных тунгусов-нелюдов. Если эти наши предположения правильны, то окажется, что тунгусское племя XVII в. охватывало иногда огромную территорию. Но для большинства тунгусов XVII в. мы пока не могли выяснить племенных границ и произвести группировку родов по племенам.

Также и у юкагиров: в то время как ходынцев, чувашев и омоков мы имели некоторые основания считать племенами, вопрос о том, где проходили племенные границы остальных группировок юкагиров, остается неясным. Не выяснен также вопрос, представляло ли большинство юкагирских группировок, существовавших в XVII в., экзогамные единицы или они состояли из экзогамных родов, а это очень важно для определения характера этих группировок.

У северо-восточных палеоазиатов и эскимосов благодаря трудам старых и современных исследователей хорошо выделяются территориальные диалектические группировки, которые можно считать племенами. Но и здесь отсутствуют данные о существовании специальных органов племенного самоуправления. В итоге можно констатировать, что организационные основы племени у многих народов Сибири в XVII в. отсутствовали. Это обстоятельство помешало выявить племенную принадлежность всех родов и дать исчерпывающий племенной состав всех этих народов.

Можно считать, что высшие ступени развития матриархально-родового строя ведут к укреплению и развитию племенных объединений и даже к появлению конфедераций племен, рание же этапы отцовско-родового строя, по-видимому, ведут к ослаблению племенной организации, к обособлению отцовских родов и только на высших этапах развития патриархально-родового строя, с появлением родошлеменной аристократии и развитием так называемой военной демократии, снова происходит консолидация и укрепление племенной организации и опять проявляется тенденция к образованию объединений племен.

В Западной Сибири, у хантов, манси, селькупов, татар и других встречались разной величины группировки коренного населения, которые русские обычно называли неопределенным термином «волости». По большей части эти волости имели чисто территориальные названия и назывались по тем рекам, на которых они были расположены, или же по именам тех лиц, которые эти волости возглавляли. Некоторые из этих западносибирских волостей⁵, судя по их размерам, представляли, вероятно, племена (см. выше), но часто это были роды. Возможно также, что некоторые из этих волостей представляли уже территориальные общины, например у южных хантов и манси и у тюменских, тобольских и тарских татар.

Мы не будем останавливаться на всем том многообразии и своеобразии локальных форм, которые имели в Сибири XVII в., судя по дошедшим до нас документам, те этнографические единицы, которые были выявлены русской администрацией. Несомненно, что многие племена и роды сибирских народов XVII в., известны нам под территориальными названиями и

⁵ Волостями назывались также родошлеменные группы якутов и других народов Восточной и Средней Сибири.

названиями, образованными от имен, возглавлявших эти племена и роды лиц, кроме того, имели другие названия — специфические племенные, тотемического характера или по предкам эпонимам. В ряде случаев, как уже указывалось выше, используя данные диалектологии, сохранившиеся традиции и другие этнографические материалы можно установить имевшую место группировку родов в племена. Дальнейшие исследования и реконструкции в этом направлении — дело ближайшего будущего. Несомненно, что такая работа необходима и может дать интересные результаты.

Но на данном этапе изучения родоплеменного состава коренного населения Сибири в XVII в. мы стремились лишь к тому, чтобы дать по возможности точное и подробное отображение тех материалов, которые нам оставили наши предки, ничего не внося в них от себя. Мы лишь систематизировали эти материалы, обобщали, картографировали их, устанавливали преемственность между группами XVII в. и современными и расшифровывали такие неопределенные термины XVII в., как «татары», «остяки» и т. п. В ряде случаев мы сохраняли и терминологию источников и во всяком случае всегда приводили ее. Мы поступали так потому, что хотели дать материал для различных дальнейших более глубоких исследований в данной области. Внесение же в материалы наших взглядов, соображений и предположений несомненно создало бы известный налет субъективности, который, конечно, никогда не является желательным.

Только в очень ограниченном числе случаев мы позволили себе беспорядко установленные этнографическим путем племенные и родовые названия давать в нашем тексте, таблицах и на карте, хотя в XVII в. они, поскольку нам известно, зарегистрированы не были. В отдельных случаях мы исправили также транскрипцию, исходя из современных данных.

Таким образом, наши материалы в основном отражают этнографическую структуру коренного населения Сибири в том ее виде, в каком она была известна русским людям того времени. Мы, однако, считаем, что эти материалы вполне адекватно отражали действительность, так как те люди, сведениями которых мы пользуемся, были практики, меньше всего преследовавшие при своем знакомстве с народами Сибири теоретические цели. Поэтому выявленные ими группировки коренного населения Сибири, очевидно, были именно теми, которые являлись тогда наиболее реальными в экономической и общественной жизни. Но это обстоятельство не мешает предполагать, что между выявленными в XVII в. группировками народов Сибири существовали различные связи, тогда незарегистрированные, и что сами эти группировки распадались на более мелкие этнографические единицы. Последнее обстоятельство, впрочем, во многих случаях материалы XVII в. так или иначе фиксируют.

Основной методологической идеей данной работы является стремление к полному, сплошному обследованию, с точки зрения родоплеменного состава, всего коренного населения Сибири в XVII в. Практически наша работа по установлению родоплеменного состава народов Сибири в XVII в. сводилась в основном к четырем задачам:

Во-первых, надо было установить те объекты, те основные первичные группировки населения Сибири, которые подлежали описанию и нанесению на карту.

Во-вторых, надо было установить численность каждой из этих группировок.

В-третьих, надо было каждую из этих группировок настоли на карту отдельным контуром.

В-четвертых, надо было установить все названия каждой из выявленных и нанесенных на карту группировок.

По первому вопросу, о выборе объектов, тех основных этнографических группировок — родов, фратрий, племен, — которые подлежат описанию и

картографированию, мы в конце концов, как сказано уже выше, решали следовать за нашими источниками. Список всех этнографических группировок каждого сибирского уезда устанавливался в основном по «ясачным» книгам (сметным, поименным и, реже приправочным и сборным), т. е. по тем документам, которые составлялись русскими властями в Сибири в XVII в. для собирания со всего взрослого мужского населения Сибири натурального налога-ясака, уплачивавшегося почти исключительно пушниной, преимущественно, особенно первое время, соболями. Эти сведения об обложенных ясаком мужчинах составлялись ежегодно подьячим ясачного стола в приказной избе (т. е. воеводской канцелярии) каждого уезда. Как правило, эти сведения составлялись по родам, улусам, волостям, редко деревням, юртам и т. д. Часто ясачные книги содержали полные поименные списки плательщиков ясака, сгруппированные по родам, волостям и т. д. При использовании этих материалов главной задачей было дать исчерпывающий перечень племен и родов (зачастую фигурировавших, как мы знаем, под названием волостей, улусов и т. д.) и в то же время избежать внесения в список одной и той же группы под разными названиями. Сведения ясачных книг дополнялись и проверялись данными других документов и этнографическими материалами. При этом, если в архивных источниках первоначально фигурировала одна группировка, а затем она оказывалась разделенной и это разделение было постоянным, мы описывали в тексте и показывали на карте две группировки под двумя разными названиями.

Численность установленных нами и нанесенных на карту группировок коренного населения мы определяем, исходя из численности плательщиков ясака, т. е. трудоспособных мужчин, число которых умножали на четыре. Правильность коэффициента 4 мы проверили по данным переписи 1926/27 г. По этим данным, число трудоспособных мужчин в возрасте от 18 до 59 лет у народов Севера составляет в среднем около четверти всего населения. Приводим соответствующие данные (см. таблицу на стр. 14) *.

Как видим, цифры этой таблицы вполне оправдывают определение численности населения по численности плательщиков ясака путем умножения последней на четыре. Конечно, в XVII в. ясак платили люди не только в возрасте от 18 до 59 лет. Тогда ясак начинали платить с 15 лет и платили его до наступления инвалидности или старческой дряхлости. Поэтому процент плательщиков ясака в населении XVII в. в Сибири был несколько выше, чем процент мужчин в возрасте 18—59 лет у этих же народов в 1926/27 г. С другой стороны, из вышеприведенных данных переписи 1926/27 г. не исключены инвалиды, в XVII в. ясака не платившие. Такие нетрудоспособные инвалиды в 1926/27 г. у народов Севера составляли около 0,7% всех мужчин в возрасте от 18 до 59 лет. По нашим расчетам, плательщики ясака у народов Северной Сибири составляли в XVII в. около 27—28% всего населения. Но так как несомненно был известный процент лиц, уклонявшихся от уплаты ясака, то, принимая коэффициент 4, мы несколько (примерно на 10%) страхуем себя от излишнего преувеличения численности населения.

В ряде случаев, например, у некоторых групп юкагиров в списки плательщиков ясака были внесены лишь главы родов, которые платили ясак за весь род. В этих случаях приходилось определять численность родов разными способами. Иногда о числе плательщиков ясака по родам и по зимовьям, где они платили ясак, были указания в других документах (например, в материалах специальных переписей плательщиков ясака).

* ЦСУ СССР, Похозяйственная перепись Приполлярного Севера СССР 1926/27 года, М., 1929, стр. 2.

иогда численность плательщиков ясака в родах юкагиров приходилось определять по размерам ясака, путем специальных расчетов.

Для определения численности некоторых скотоводческих племен южной Сибири, например предков бурят, конных тунгусов Забайкалья и других, мы умножали численность плательщиков ясака не на 4, а на 5. Это

Народ	Всего населения	Мужчин в возрасте 18—59 лет	% этих мужчин ко всему населению
Вогулы оседлые	5 392	1 242	23,0
Гилляки оседлые	1 664	469	27,6
Долганы кочевые	1 024	253	24,7
Кеты кочевые	949	249	25,7
Коряки оседлые	3 336	841	25,5
Коряки кочевые	4 051	1 036	25,3
Ламуты кочевые	1 947	505	26,6
Лопари кочевые	1 292	307	23,6
Ханты оседлые	12 329	2 901	23,6
Селькупы кочевые	1 324	315	24,4
Ненцы кочевые	14 098	3 605	25,6
Тунгусы кочевые	15 084	3 768	25,0
Тунгусы оседлые	2 429	617	25,7
Чукчи оседлые	3 496	853	24,3
Чукчи кочевые	8 756	2 060	23,4
Эскимосы оседлые	1 250	305	24,4
Якуты оседлые	17 591	3 979	22,6
Якуты кочевые	4 857	1 247	25,4
Все оседлое население (включая русских)	106 263	26 168	24,6
Все кочевое население	58 324	14 446	24,8
Все ⁷ население севера	164 587	40 614	24,7

вызвано тем, что у этих народов, судя по их быстрому естественному приступу, было больше детей. Кроме того, у более зажиточной части бурят и конных тунгусов и других подобных групп были холопы, ясака не платившие. Для хоринских бурят нам пришлось принять даже коэффициент 10, так как у них не платили ясак не только холопы, но и все неженатые трудоспособные мужчины.

Для определения численности населения, не платившего ясак, например для служилых татар Западной Сибири, а также чукчей и эскимосов, использовались разные документы, например списки служилых татар, получавших жалование, оценки современников в отношении населения «Чукоцкой земли». Делались расчеты и по более поздним данным о численности населения этих групп, по аналогии с другими народами и т. д.

Наиболее сложным делом было занесение выявленных этнографических группировок на карту. Для этого мы использовали всевозможные указания на местожительство той или иной группировки населения или отдельных лиц из этой группировки в описаниях маршрутов служилых людей, в описаниях их столкновений с местным населением, в челобитных коренного населения по поводу военных столкновений разных родов между собой, в челобитных по территориальным спорам и т. д. Даже показа-

⁷ Ученное в порядке приполярной пересечки.

ния коренного населения о местонахождении тех или иных поселенных исконных можно было использовать для наших целей, так как естественно предположить, что о поселениях исконных в том или ином месте жили люди, честно бывавшие там. Известную ценность имели для нас такие документы о мелких уголовных делах и гражданских нахождение объекты спора. Обычно во всех подобных делах указывалась родовая принадлежность упомянутых в них лиц из коренного населения. Если же указания о роде в документах не было, то мы искали имена интересующих нас лиц в списках плательщиков ясака, всегда составленных по волостям, родам, улусам и т. д. и обычно их находили. Конечно, следовало различать указания на места постоянного жительства и случайные появление отдельных групп в районах, удаленных от мест их постоянного обитания. Поэтому мы старались получить возможно большее количество указаний на местожительства группы и учитывать все доступные нам факты, связанные с данной группой. От грубых ошибок нас в известной степени гарантировало то обстоятельство, что во многих случаях, особенно в Западной Сибири, этнографические группы имели территориальные названия, а в Восточной Сибири они все были приписаны к тому или иному определенным пунктам для уплаты ясака. Если в первое время после прихода русских бывали случаи, что отдельные роды попадали в число плательщиков ясака очень удаленных зимовий (например, жители бассейнов Оленска и Хатанги платили ясак в зимовья в верховьях Нижней Тунгуски), то с течением времени обычно каждое зимовье стало иметь постоянный контингент плательщиков из населения жившего или кочевавшего поблизости от данного зимовья.

Использованы нами были и специальные описания («росписи») расселения коренного населения отдельных районов Сибири, составленные в XVII в. Таковы, например, роспись Андрея Палицына 1633 г. о населении Лены, роспись Петра Головина 1640 г. о населении по Ангаре, Илиму и верховьям Лены, роспись Ивана Москвитина 1641 г. о населении бассейна Май и Охотского побережья и ряд других⁸. Некоторые из этих росписей (Головина, Москвитина) дают очень ценный материал, другие (например, роспись Палицына) сообщают лишь очень общие и не всегда точные сведения. Но даже лучшие росписи (например, Москвитина, опубликованная Н. Н. Степановым) нуждаются в проверке и коррективах по деловым документам, хотя, с другой стороны, содержат в себе некоторые сведения, отсутствующие в последних.

При написании на карту контуров территорий племен и родов мы также учитывали их численность. На севере на одного человека у охотников и оленеводов тунгусов приходилось по 100—300 кв. км территории, у скотоводов якутов и бурят — по 3 кв. км. Конечно, многое зависело от местных условий. Так, у охотских тунгусов-оленеводов на одного человека приходилось 100—150 кв. км, на западе и северо-западе у таких же тунгусов-оленеводов — 250—300 кв. км. Эти данные мы тоже старались учитывать при определении контуров территорий.

В результате сопоставления расселения племенных и родовых групп Сибири XVII в. с современным расселением их потомков выявилась группа, совсем или очень мало изменившее свое местоположение. Таковы, например, шилки и мучутиры в верховьях Нижней Тунгуски, чомдари в верховьях Подкаменной Тунгуски, киндигиры и чильчагиры на Верхней Ангаре, башкортские киндигиры и чильчагиры, вилойские шелогоны,

⁸ Мы имеем в виду, в частности, росписи «рокам и землицам», составленные в Биссейском остроге около 1630 г. (ЦГАДА, ф. 214, ст. 12, лл. 452—453, 488, 491—497, 498).

фугляды (уголяты), почти все ханты, манси, западносибирские татары, многие группы бурят и якутов и др.

Некоторые группы коренного населения Сибири, оставшись в основном на прежних местах жительства, или значительно расширили или очень сузили свою территорию. Примером племени, расширившего свою территорию, могут являться пюрумиялы (племенейские тунгусы), распространявшиеся с XVII в. далеко на северо-запад, но частью сохранившие и свою первоначальную территорию. Наоборот, соседние им баягиры сейчас сохранились лишь в виде небольшого островка, со всех сторон окруженногопюрумиялами. Очень расширили свою территорию также подкаменотунгусские чапагиры и ряд других этнографических групп Сибири, в частности чукчи и обдорские иеныцы.

Наконец, некоторые этнографические группы северной Сибири совершили изменения свое местожительство. Таковы тюгесиры с Алдана, перешедшие в бассейны Яны и Индигирки, лалагиры из бассейна Алдана, перешедшие в бассейн Амура и на Сахалин, лесные энцы из бассейнов Таза и Турухана, перешедшие к низовым Енисея, предки долган, перешедшие с Лены в бассейн Хатангии и многие другие.

Таким образом, в ряде случаев мы могли использовать современное расселение ряда этнографических групп народов Сибири для уточнения расселения предков этих групп в XVII в. Но существование групп, совершенно изменивших свое местоположение, требует конкретного изучения каждого отдельного случая. Здесь необходим дифференцированный подход к каждой этнографической группе и недопустимы шаблоны. В отношении групп, не изменивших своего местожительства, мы использовали, как указано выше, старые данные землепользования и старые административные границы.

Определяя расселение племен и родов, мы по мере возможности учитывали и физико-географические условия, в частности существование естественных районов по бассейнам рек, естественных рубежей в виде горных хребтов и т. п. Учитывались также занятия населения, характер кочевок и землепользования по сезонам, сохранявшиеся до последнего времени.

Местожительство многих групп коренного населения Западной Сибири в XVII в. довольно детально указано на картах известного атласа С. У. Ремезова. Особенно это относится к Пелымскому уезду Западной Сибири.

Установление того факта, что одни и те же группы коренного населения Сибири были в XVII в. и позже известны под разными названиями, тоже являлось очень важной задачей. Не проделав работы по внесению ясности в этот вопрос, мы рисковали запутаться в массе родоплеменных и территориальных названий, сообщаемых разными категориями источников и даже одной категорией источников, но в разное время. В некоторых случаях такая множественность названий была вызвана искажениями одного и того же названия при записи его разными людьми. В других случаях мы имеем описки, сделанные подьячими в приказных избах при сводке и переписке набело первичных данных. Большине искажения родоплеменных названий были сделаны и копиистами Миллера, снимавшими в XVIII в. в сибирских архивах копии с документов XVII в. Так, например, у нас есть основания считать, что названия молчаги, Молгачеев род, Муанский род — это все искажения названия рода Малгачагир. Названия чаинбуяна, целбуяна представляют варианты транскрипции названия рода Чандадуль, а название «гуляши» — искаженное название буяни и т. д. В 30-х годах XVII в. енисейские подьячие при переписке переделали позывание Кадской волости в Надскую волость. И название Надская (шиогда Натская) дожило до начала XX в.

Очень часто племенная группа была известна то под своим племенным названием, то под названием какого-либо из входящих в нее родов. Так, вышеупомянутые шиляги у тунгусов были известны также под названиями входящих в них родов Маугир и Сичогир («сычуги», «сычегуры»). С конца XVII в. шиляги стали известны под названием курейских тунгусов, так как илатили ясак в Курейском зимовье у Зобинны куры, в районе устья р. Еромо в верховьях Нижней Тунгуски. Тунгусы-шюрумияли были известны также под названиями буляши, юрильцы, ширильцы, шюрюмы и т. д.

Сюда надо еще добавить русское название этих тунгусов — илимской тунгусы и якутское — джурумджалы.

Такие русские названия, как летние, турыжские, чунские, сменили к концу XVII и в XVIII в. старые родоплеменные названия Горагир, Елагир, Чичагир, Баягир, ваяды (баяки) и др.

Самыми сложными были случаи, когда этнографическая группа (племя, род) имела несколько названий независимо от своего родового состава и от названий русского происхождения. Так обстоит дело, например, с чувашами. Это название, впервые употребленное Семеном Дежневым, было, очевидно, принято в бассейне Анадыря у ходыщев и анаулов и, вероятно, употреблялось самими чувашами. Может быть, оно происходит от названий р. Чауна и Чаунской губы. Отсюда и чукотское название чувашев — чаваны.

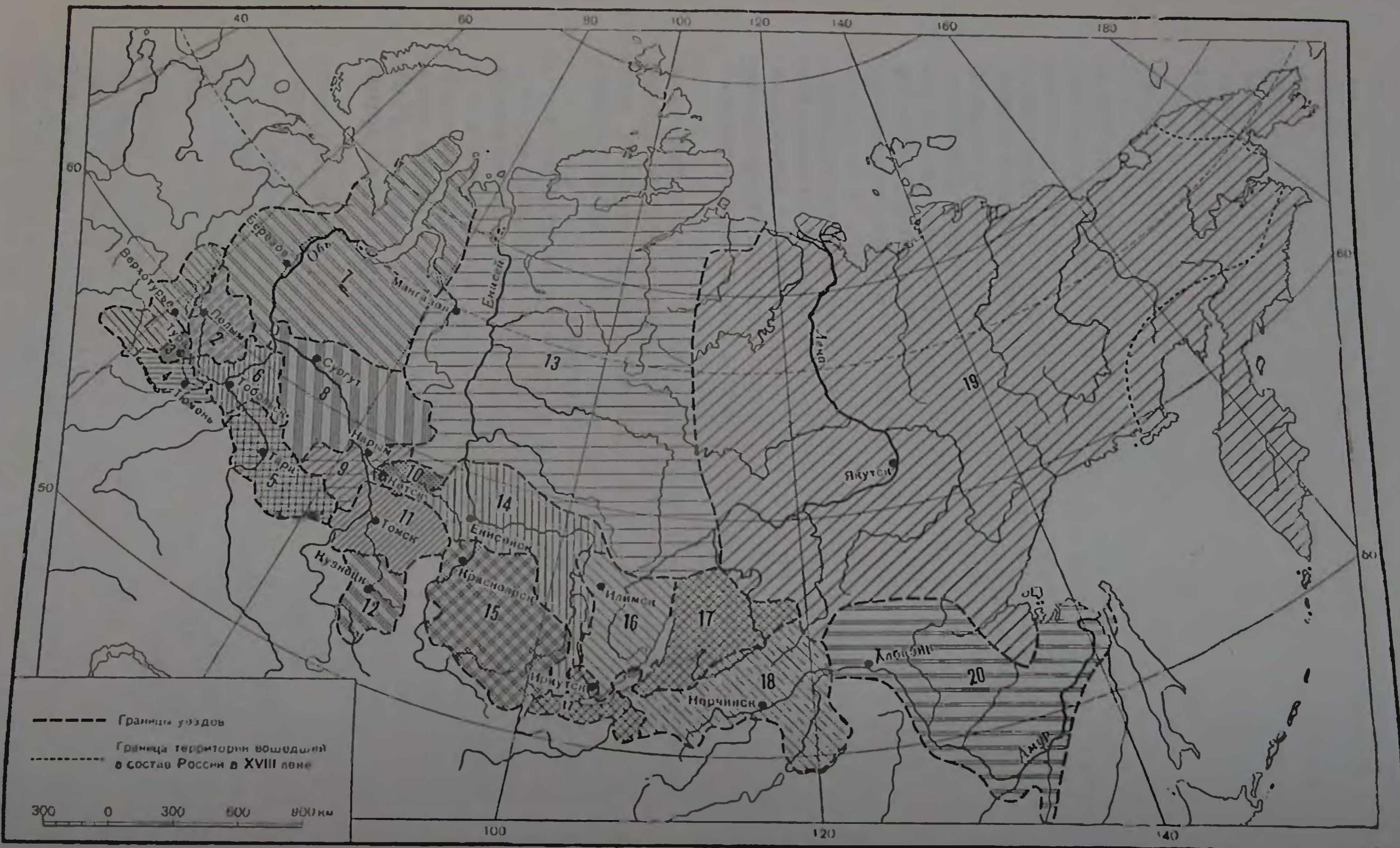
Наоборот, на Колыме чуванцы были известны у русских под названием шелагов, которое наверное происходит от названия «шолилау», как называли чувашев колымские юкагиры. Отсюда и название Шелагского мыса, открытого русскими, плывшими со стороны Колымы. Эта двойственность названия чувашев, как известно, привела к появлению легенды об исчезнувшем народе шелагах.

Нижнеколымские юкагиры были известны под племенным названием омоков, очевидно данного им их соседями алазейскими юкагирами. С этим названием тоже связана легенда об исчезнувшем народе — омоках, хотя обрусевшие нижнеколымские юкагиры (омоки) остались на своих прежних местах и лишь частично переселились на Анадырь.

Для установления того факта, что одна и та же группа коренного населения фигурирует в разных документах под разными названиями, мы широко использовали сличение собственных имен в списках плательщиков ясака. Так удавалось установить, что одни и те же люди входили в различно озаглавленные списки. Эта трудная и на первый взгляд малопродуктивная работа давала подчас очень интересные результаты. Только таким образом удалось выяснить, что род Макагир имел другое название — Маймаканский, что предки тюгесиров тугочары имели первое время другое название — ичаны и т. д.

Очень важную задачу представляло установление преемственности между этнографическими группами XVII в. и более поздними. С этой целью использовались сведения по истории родов и их переселений, сходство родовых названий и специальные исследования о происхождении отдельных современных народов Сибири. Для этой части нашей работы особое значение имели известные статистико-этнографические труды С. К. Патканова.

В XVII в. Сибирь в административном отношении делилась на 20 уездов, образованных в разное время по мере движения русских от Урала на восток. В Западной Сибири было 12 уездов, в Средней Сибири с Забайкальем — шесть и в Восточной Сибири — два. ТERRитория и границы всех уездов показаны на карте «административно-политического деления Сибири в XVII в.», которая также прилагается к настоящей работе (см. карту 1).

Административное деление Сибири в XVII в.

Примечание 1. Номера соответствуют номерам глав, в которых описывается этнографический состав населения данного уезда.

Примечание 2. Албазинский уезд показан в пределах наибольшего расширения территории русских владений в бассейне Амура в 50-х годах XVII в. Нерчинский уезд показан в границах до 1680 г. Территориальные приобретения России в XVIII в. показаны лишь на Северо-Востоке.

Поскольку архивные материалы, на которых базируется данная работа, за небольшими исключениями отражают это деление на уезды, то мы принимаем его в качестве основы для группировки материалов, составления сводок о родоплеменном составе населения и кладем в основу 20 глав, на которые делится работа. Распределение 20 уездов между Западной, Средней и Восточной Сибирью, положено нами в основу деления всей работы на три части. Главы и части носят соответствующие названия уездов и географических подразделений Сибири.

В XVII в. сибирские уезды группировались в более крупные административные объединения именовавшиеся разрядами. В Тобольский разряд входили уезды Верхотурский, Пелымский, Туринский, Тюменский, Тарский, Тобольский, Березовский, Сургутский и Мангейский; в Томский разряд — уезды Нарымский, Кетский, Томский, Кузнецкий и Красноярский; в Енисейский разряд — уезды Енисейский, Илимский, Иркутский, Нерчинский и Албазинский. Якутский разряд образовывал один, но зато огромный, Якутский уезд. Однако эта группировка уездов очень искусственна с географической точки зрения. Она была вызвана специфическими военно-административными условиями XVII в. Поэтому мы не стали ее придерживаться, а приняли при разбивке работы на части указанный географический принцип.

Первая часть работы состоит из 12 глав, вторая — из шести, а третья — только из двух. Но в уезды, описанные в первой части, входило лишь около 20% коренного населения Сибири XVII в., в уезды, описанные во второй части, — около 25%, а в уезды, описанные в третьей части, — до 55%. Естественно поэтому, что XIX глава, описывающая население Якутского уезда, получилась очень большой по объему. Нам пришлось ее разбить на пять разделов.

Поскольку в данной работе имеется большое количество ссылок на архивные источники, то для сокращения и упрощения мы не называем при каждой ссылке фонда, а указываем его номер, номер столбца или книги и листы. Например: ф. 1177, ст. 48, л. 96. Это значит: фонд 1177 (Якутская приказная изба), столбец 48, состав 96. Мы называем составы листами потому, что столбцы в ЦГАДА давно разрезаны и разложены листами в папках. Если в ссылке не указана опись, это значит, что опись 1-я. Если же материал взят из другой описи этого же фонда, то опись указывается.

ТИЮМЕНСКИЙ УЕЗД

Город Тюмень был основан в 1586 г. воеводами Василием Сукиным, Иваном Мясным и письменным головой Данилой Чулковым поблизости от старого татарского городка Чимгитура. Тюмень — самый старый русский город Сибири. С его постройки и началось прочное освоение Сибири русскими.

Первоначально в состав Тюменского уезда входила вся территория Сибири, занятая русскими по рекам Туре, Тавде, Тоболу и Пышме. В дальнейшем, как это указал уже Миллер, площадь Тюменского уезда уменьшилась в результате потери тех территорий, которые в связи с постройкой новых городов отходили к вновь образованным уездам. В конце концов территория Тюменского уезда ограничилась низовьями Туры и ее притока Ницы, низовьями и средним течением другого притока Туры — Пышмы, бассейном Тобола между устьями Туры и Исети и низовьями и средним течением последней.

Тюменские татары образовывали отдельную группировку в составе Сибирского татарского царства. Помимо территории Тюменского уезда, в это объединение входили, видимо, территория Турицкого уезда, а может быть, также некоторые vogулы южной части Верхотурского уезда. Ядро этого Тюменского царства, как его называет С. В. Бахрушин, составляли, вероятно, те татары, которые после прихода русских стали известны под названием тюменских служилых татар и татар Каскаринской и Шикчинской волости.

Наши источники называют всех коренных обитателей Тюменского уезда татарами. Фактически же в составе коренного населения Тюменского уезда были не только сибирские татары, но и предки некоторых групп современных башкир.

В табл. 10 приведены данные об ясачных волостях Тюменского уезда. Надо иметь в виду, что здесь показаны не все трудоспособные мужчины коренного населения уезда, так как в уезде, кроме ясачных татар, были служилые и пашенные татары, данные о численности которых будут приведены особо.

Резкое колебание численности плательщиков ясака в Шикчинской и Каскаринской волости объясняется тем, что группу татар этой волости в 1634 г. увели в степь наследники Кучума (кучумовичи), а в 1661 г. 38 из них вернулось в Тюменский уезд¹. Такими же событиями объясняются и другие колебания в численности плательщиков ясака в Тюменском уезде. Шикчинская и Каскаринская волость росла и в результате зачисления в

¹ См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II. М.—Л., 1941, стр. 546.

Численность плательщиков ясака Тюменского уезда²

Волости.	Год											
	1629	1630	1631	1645	1651	1660	1662	1671	1682	1690	1701	1705
Кызырский городок . . .	78	77	57	73	85	90	96	59	78	61	82	79
Бачырская	25	25	24	73	85	90	96	59	78	61	82	79
Терсяцкая	26	27	25	13	12	20	26	28	31	27	38	34
Иленикский городок . . .			74	67	72	73	70	64	78	69	73	70
Шикчинская	164	(164)	74	54	47	52	89	87	100	73	83	88
Каскаринская												
Пышминская и Исетская	—	—	24	23	21	29	30	25	37	26	39	38
Всего . . .	293	293	278	230	237	264	311	263	324	256	315	309

нее детей служилых тюменских татар. Эта волость и появляется впервые в 1631 г. в качестве «захребетных татар».

Из этого населения башкирами, или, точнее, предками некоторых групп современных башкир, можно считать людей Бачырской, Терсяцкой, Пышминской и Исетской волостей. Население Бачырской (Баскурской, Башкурской) волости можно считать башкирами по ее названию и местоположению между Пышмой и Исетью по соседству с Катайской волостью Уфимского уезда. Название Терсяцкой волости соответствует названию Терсатского аймака, входившего в состав башкирской Катайской волости за Уралом в XVIII в.³ Группа терсяков (верхние терсяки), как мы знаем, жила и в Верхотурском уезде по соседству с башкирами. Относительно Пышминской и Исетской волости наши источники прямо указывают, что это «уфимские прительцы».

Кроме этих групп башкир, на территории Тюменского уезда жили также предки еще одной группы башкир — сирияцы, или, как их называют источники, «сырянцы», «зырянцы». Но, как сообщает Миллер, эти «зырянцы» ушли от русских в отдаленные места⁴. В начале XVII в. «зырянцы» и башкиры-табыицы были главной опорой Кучумовичей в степях к западу от Тобола. Возможно, впрочем, что Бачырская волость представляла остаток сириянцев в пределах Тюменского уезда.

Миллер считал, что башкиры Тюменского уезда — это перебежчики из Уфимского уезда⁵, а «зарянцев» и терсяков он не отличал от других сибирских татар. Но как мы видели, и сириянцы и терсяки в настоящее время входят в состав башкирского народа. Надо, однако, отметить, что

² Эта таблица составлена по данным следующих ясачных книг фонда ЦГАДА: 19 (лл. 521—528), 22 (лл. 805—810), 32, ч. 1 (лл. 150—165), 177 (лл. 93—98), 260 (лл. 99—106), 411 (лл. 169—176), 442 (лл. 94—138), 685 (лл. 12—19), 715 (лл. 30—35), 993 (лл. 408—416), 1267 (лл. 537—538), 1431 (лл. 305—314).

Цифра 164 по Иленикому городку и другим волостям за 1629 г. заимствована нами у В. И. Щукова (см.: «Советская Азия», 1930, № 3—4, стр. 165). Эта же цифра нами повторена и для 1630 г., по которому у нас тоже не было аналогичных данных.

³ См. С. И. Руденко. Башкиры. М.—Л., 1955, стр. 57. Следует отметить, что Катайский острог был в Верхотурском уезде, но башкирская Катайская волость принадлежала к Уфимскому уезду (см. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 105, 293).

⁴ См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I. М.—Л., 1937, стр. 288. В 1623 г. «сырианцы» числились в Верхотурском уезде (см. там же, т. II, стр. 293).

⁵ См. там же, стр. 12.

Миллер делает оговорку, что даже такие несомненные для нас в настоящее время башкиры, как катайцы, раньше считались татарами⁶. Поскольку остается неясным, где в XVII в. проходила граница между башкирами и небашкирами, ограничимся вышеприведенными оговорками и замечаниями и не будем выделять эти группы предков башкир из остальных сибирских татар. По нашему мнению, такие группы современных башкир, как спиряи и терсаты, должны считаться не ответвлениями катайцев, а скорее местными группами, вошедшими в состав катайцев. Таков был, вероятно, путь формирования всей тюркоязычной башкирской этнической общности. Степные тюркские и отюреченные илемена и части племен включали в свой состав местные племена и роды на положении своих подразделений и ассимилировали их.

Так как, судя по числу плательщиков ясака, общая численность коренного населения Тюменского уезда в середине и в конце XVII в. была приблизительно одинакова, мы дадим одну цифру численности коренного населения Тюменского уезда как на середину, так и на конец XVII в.

Но в Тюменском уезде, кроме ясачных татар, были татары и других категорий.

Служилых татар в 1645 г. здесь было 108⁷, в 1691 г.— тоже 108⁸; в 1701 г.— 107⁹.

Наконец, в Тюменском уезде находилась Искинская татарская волость, которая платила ясак хлебом. В 1627 г. в ней было 23 плательщика ясака, а в 1690 г.— 38¹⁰.

Данные относительно численности коренного населения Тюменского уезда в середине и в конце XVII в. приведены в табл. 11.

Таблица 11
Численность коренного населения Тюменского уезда

Группа	Численность	
	плательщиков ясака	всего населения
Кинирский городок	73	290
Бачырская волость	23	90
Терсяцкая волость	38	150
Иленский городок	78	310
Шикчинская и Кааскаринская волость	100	400
Пышминская и Исетская волость	39	160
Искинская волость	38	150
Служилые юртовские татары . .	108	430
 Всего . . .		
497		1980

По вопросу о составе и численности коренного населения Тюменского уезда в конце XVI и начале XVII в. позволим себе высказать следующие соображения. Мы предполагаем, что данные о численности плательщиков

⁶ См. там же, стр. 105.

⁷ См. П. Н. Буцинский. Заселение Сибири. Харьков, 1889, стр. 100.

⁸ ЦГАДЛ, ф. 214, кн. 993, лл. 122—128; см. также лл. 248—252.

⁹ Там же, кн. 1267, л. 224.

¹⁰ Там же, кн. 993, лл. 140, 166. Данные за 1627 г. приведены по В. И. Шункову (Очерки по истории колонизации Сибири в XVII—начале XVIII вв., М.—Л., 1946, стр. 106).

ясака по Кинирской волости за 1629 г., по Иленской, Шикчинской и Ка-
карийской, Пышминской и Исетской за 1631 г., по юртовским служилы-
татарам за 1645 г. и по Искинской волости за 1690 г. в общем могут быть
использованы для реконструкции численности этих групп на рубеже
XVI—XVII вв.

Например, искинские татары платили поминок в 1645 г. 5 р. 22½ к.,
а с 1651 по 1690 г.—6 р. 37½ к. Вероятно, численность их сильно не
изменилась.

Относительно Бачырской волости мы знаем, что в 1595 г. из Тюмен-
ского уезда бежало 30 башкир и кинирцев, очевидно плательщиков
ясака¹¹. У нас есть основания предполагать, что это в основном были
бачыры. Поэтому мы считаем, что у них было в 1594 г. не 25 платель-
щиков ясака, как в 1629 г., а на 30 больше, т. е. 55.

Известно также, что в 1615 г. «изменили» и ушли тюменские татары
Терсяцкой волости¹². Мы не знаем, сколько бежало ясачных терсяков в
1615 г., но, судя по размерам территории терсяков, их было в 1615 г. не
26, как в 1629 г., а по крайней мере вдвое больше, т. е. 52.

Выше мы указывали, что в Тюменском уезде жило племя предков
башкир-сириицев («сырянцы», «зырянцы»), которое затем ушло в степь,
где являлось опорой кучумовичей. В 1600 г., когда четыре сына Кучума
находились в верховьях Ишима, с ними было 250 «сырянцев» и башкир-
табыицев¹³. В том же году два из этих царевичей находились между Иши-
мом и Абугой. С ними было 150 башкир-табыицев. Третий царевич, Алей,
оставался на Ишиме, с ним было 300 сырьянцев и мякотиицев¹⁴. В 1603 г.
Алей кочевал на пяти «боровых» озерах, в пяти днях пути от Тюмени.
С ним были только «зырянцы»¹⁵. В 1635 г. два «зырянца», платившие
уже ясак в Уфимский уезд, вместе с одним человеком из Бачырской
волости жили за Исетью, в пяти днях пути от Тюмени¹⁶. Мы, очевидно,
не очень ошибемся, если определим первоначальную общую численность
этих «сырянцев» в 150 трудоспособных мужчин (всего 600 чел. паселе-
ния).

До своего ухода в степь эти сырьянцы, вероятно, занимали верховья
Пышмы (выше Камышлова) и Исети (выше Катайска). Здесь у нас полу-
чается на карте свободное место как раз для скотоводческого племени в
500—600 чел. После ухода сырьянцев эти места частично заселили деревни
и слободы Верхотурского и Тобольского уездов, но первоначально эта тер-
ритория, как и весь Туринский уезд и южная часть Верхотурского, вход-
ила в Тюменский уезд и поэтому, очевидно, считалось, что сырьянцы
ушли из Тюменского уезда.

О татарах Кинирского городка Миллер сообщает, что они «перво-
начальные обитатели местности выше Тюмени по реке Туре, на северном
берегу которой в 13 верстах ниже устья Ницы у них было укрепленное
местечко, называвшееся Кинирским городком»¹⁷. А. И. Андреев указы-
вает, что Кинирский городок Тюменского уезда находился «против Елки-
ных юрт»¹⁸. Деревня Елкина находится сейчас на р. Туре, примерно в
15 км ниже устья Ницы. Очевидно, напротив дер. Елкиной, у устья р. Тे-
гень, и находился Кинирский городок. Название городка, как и всей этой
группы татар, происходит от собственного имени. Во всяком случае, еще

¹¹ См. Е. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 42.

¹² См. там же, стр. 243.

¹³ См. там же, стр. 27, 167.

¹⁴ См. там же, стр. 165—168.

¹⁵ См. там же, стр. 29.

¹⁶ См. там же, стр. 424.

¹⁷ Там же, стр. 12.

¹⁸ Там же, стр. 549.

в 1600 г. среди татар Кинирской волости жил некий Буланча Кинирев¹⁹. Но надо иметь в виду, что у Ремезова есть и р. Кинирка, впадающая в Туру ниже устья Ницы.

На карте Тюменского уезда в атласе Ремезова Кинирская волость показана на Туре выше Тюмени и ниже устья Ницы, близ устья р. Саланки. Здесь ее показываем и мы, отводя ей всю территорию от водораздела между реками Иской и Турой на северо-востоке до р. Пышмы на юго-западе. Кроме Кинирского городка и Елкиных юрт, мы к Кинирской волости относим показанные у Ремезова юрты на р. Саланке — Езякские, Утишевы, Бегуны, Качангуловы, Акмановы (ср. в гл. III юрты Аккана), Чаклинские и др.

К татарам Иленского городка (волости) относились также татары Обуховых юрт (городка)²⁰. Может быть, Обухов городок — это другое название Иленского городка, образованное от собственного имени некоего Обуха (он же Щербак) Бесергенева²¹, тогда как название Иленский — территориальное, происшедшее от названия правого притока Ницы р. Иленки, или (на некоторых современных картах) Илейки. Татары Иленской волости жили и по Туре, выше устья Ницы, до границ Туринского уезда. Имя одного из них, Сарагула Беглова²², сохранилось в названии р. Сарагулки, левого притока Туры, впадающего в Туру, выше Ницы. У Ремезова Иленская волость показана выше Кинирской, у впадения Ницы в Туру, затем (ошибочно) на р. Тегенке и на Нице у устья Иленки. Речку Сарагулку Ремезов показывает в пределах Туринского уезда, но это уже результат позднейшего расширения уезда вниз по Туре. Деревня Городище на Нице близ впадения в нее Иленки стоит, по нашему предположению, именно там, где находился на месте «городища Кучумова брата» юрт Небольсии (см. гл. III)²³. Небылса же Юлаев был из Иленского городка²⁴. Таким образом, в Иленскую волость мы включаем реки Туру и Ницу до границ Туринского уезда. Кроме того, на юго-западе показываем территорию этой довольно многолюдной волости до Пышмы, тоже входившей в этом районе в пределы Тюменского уезда²⁵.

Помимо Иленского городка, Обуховых (Енбуховых) юрт на Нице и Сарагулевых на Туре, мы относим к этой волости также Катаргуловы юрты, показанные Ремезовым на Туре близ устья Ницы, и юрты Небольсии, Берсегенев, Кабачин и Девлетев на Нице, упомянутые в перечне 1601 г. как расположенные от Туринского острога к Тюмени (см. гл. III).

Татары Кинирской и Иленской волостей первоначально, в XVI в., назывались верхотуринскими, так как находились от Тюмени вверх по Туре. Возможно, что до основания Туры под названием верхотуринских татар подразумевались также и отатарившиеся vogулы (остяки), в дальнейшем образовавшие коренное население Туринского уезда.

Шикчинскую и Каскаринскую волости мы показываем в районе самой Тюмени. Здесь, к востоку от нее, до настоящего времени находятся татарские деревни Большая и Малая Каскарка и Чикчинские юрты. В этом же месте Шикчинская волость и юрты у оз. Каскарна показаны и у Ремезова. Мы, насколько могли, расширили территорию этой волости, предполагая, что многочисленные татары этой волости должны были иметь

¹⁹ См. там же, стр. 159.

²⁰ О них упоминает Миллер (см. там же, стр. 323, 357, 418, 550).

²¹ См. там же, стр. 159, 323, 357.

²² См. там же, стр. 159, 169, 204, 411.

²³ См. там же, т. I, стр. 393.

²⁴ См. там же, т. II, стр. 169.

²⁵ Ремезов доводит границы Тюменского уезда вверх по Пышме лишь до р. Тутулым, а по Исети — до р. Ирюм. Этим он, как нам кажется, уменьшает территорию Тюменского уезда. Впрочем, для конца XVII в. может быть, это и верно.

и соответственную хозяйственную область. На территории этой волости оказывается и сама Тюмень. Но надо иметь в виду, что в районе Тюмени жили, по-видимому, хотя бы временно, и служилые татары (см. ниже), показанные у Ремезова (кроме названных выше Шикчинских и Каскариных): Назаровы, Янтыковы (два), Яибаевы, Тураевы, Ясауловы, Кобяковы, Качангуловы, Акиарковы, Наикибашевы, Матмасовы, Черноярские. Некоторые из этих юртов, возможно, были населены служилыми юртовскими татарами (Ясауловы, Матмасовы).

Искинскую волость мы помещаем в бассейне р. Иски, в ее верхнем и среднем течении, где Ремезов помещает юрты Актыковы, Кунцевы, Кичи, Бурсучковы, Баярские и Магантские.

Местожительство тюменских юртовских татар мы показываем по р. Тоболу от устья Исети до устья Иски. Как известно, в начале XVII в. главой тюменских юртовских татар был Майтмас Ачекматов. Миллер также рассказывает о татарских князцах Кацкаре, Варваре и Майтмасе, с которыми Ермак имел столкновение на Тоболе у устья Туры. Имена этих князцов, по словам Миллера, сохранились в названиях татарских деревень на Туре и Тоболе²⁶. С. В. Бахрушин не сомневался, что князь (мурза) Майтмас и глава тюменских служилых татар в период с основания Тюмени до 1618 г. Майтмас Ачекматов — одно и то же лицо²⁷. Имя князя Кацкары сохранилось в известной нам Каскаринской волости в названиях деревень Большая и Малая Кацкара; имена Варвары и Майтмаса — в названиях татарских деревень на Тоболе: Варваринские юрты, Большие Матмасы, Малые Матмасы — в названии всей волости 1897 г. — Варваринской (Нердинской). Волость эта целиком расположена по Тоболу между устьями Туры и Исети. Выше Варваринской волости по Тоболу находились в 1897 г. деревни Авазбакеевской волости. Ремезов показывает по Тоболу между устьями Исети и Туры юрты Аvezбакинь, Карагулловы, Куташевы, Астанкины и два юрта без названий.

У Бахрушина есть прямое указание на то, что тюменские служилые татары, в частности Майтмас Ачекматов и его потомство, владели землями на Тоболе, «по ниже Исетского устья»²⁸. Нам кажется, есть все основания считать, что тюменские служилые татары жили в Тюменском уезде по р. Тоболу. Следует отметить, что Кацкара, как и Майтмас, был исторической личностью. В 1596 г. тюменские служилые татары Кацкара и Майтмас ездили за беглыми кинирцами и «башкирцами» (т. е. татарами Башкирской волости) на Исеть и были последними ограблены²⁹. Таким образом, устанавливается, что глава Каскаринской волости в прошлом тоже был служилым татарином.

В частности, заметим, что Ремезов показывает Матмасовы юрты близ самой Тюмени к северо-востоку от нее, т. е. в пределах территории татар Шикчинской и Каскаринской волости. Можно предполагать, что служилые татары Тюменского уезда и татары Каскаринской волости в прошлом составляли нечто целое и лишь затем часть их была включена в число пательщиков ясака, а другая — в число служилых татар. Поэтому мы не проводим границы между территориями татар Каскаринской и Шикчинской волости, с одной стороны, и тюменскими служилыми татарами, с другой, а даем их одним контуром, в котором лишь надписями показано приблизительное взаимное расположение всех этих групп. По-видимому, все эти татары первоначально были известны под названием андреевских. Так они

²⁶ См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I, стр. 223.

²⁷ См. там же, стр. 486.

²⁸ С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. III, ч. 2. М., 1955, стр. 168.

²⁹ См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 148.

назывались по оз. Андреевскому, расположенному недалеко от Тюмени, по дороге в Ялуторовск. На этом озере, вероятно, был их центр.

Пышминскую и Исетскую волости мы помещаем на карте по Пышме, к югу от Тюмени, и в низовьях Исети, где находилась в конце XIX в. татарская Сингульская волость. У Ремезова в этом районе показаны юрты Сингульские, Летние, Бесергеневы, Башкильские, Кучумбетевы и Тенишевы. В Сингульской волости 1897 г. были юрты Летне-сингульские, Зимне-сингульские, а юрты Сунгурьевские находились на речке Башкиле. Мы предполагаем, что была лишь одна волость Пышминская и Исетская, а не две, как можно заключить из ее официального названия в XVII в.

Терсяцкую волость мы показываем на карте по Исети, вверх от Пышминской и Исетской волости, в районе впадения в Иsetь речки Терсяк. Других данных для нанесения на карту этой волости нет. Но надо иметь в виду, что если в районе речки Терсяк не показывать Терсяцкую волость, то эта местность на карте останется пустой. Отметим, что речка Терсяк имеется и на карте Ремезова.

О местоположении Бачкырской (Башкурской) волости у нас данных больше. Известно, что она была расположена на р. Исети³⁰. Юрты бачкырцев находились у оз. Утеше, или Устюше³¹ (современное оз. Атяж), у оз. Аксаргула (Сараткул?) и на самой Иsetи (Башневы юрты)³². Мы также считаем, что упоминавшиеся в 1594 г. татары-белаковцы, т. е. жившие у речки Белаковки³³ (современная Беляковка), притоке Пышмы, являются тоже бачкырцами. Поэтому мы помещаем Бачкырскую волость между Иsetью и Пышмой в бассейне речки Беляковки и оз. Атяж. Территория этой волости довольно большая, но надо учесть, что она осваивалась бачкырцами, вероятно, вместе с киргизами, с которыми бачкырцы и ясак платили вместе. Кроме того, есть основания предполагать, что первоначально бачкырцев было больше, но часть их ушла «в степь» к кучумовичам (см. выше).

Помимо основной территории уезда, показанной нами на карте и слагающейся из территорий отдельных волостей, плательщики ясака Тюменского уезда, выезжая на охоту и рыбную ловлю, уже в первой половине XVII в. осваивали большую территорию к югу от Иsetи и к востоку от Тобола в бассейнах рек Тапа, Юрги, Емуртлы, Суера, Ика, в районе современного г. Кургана и около озер Черного, Щучьего и Медвежьего. Вверх по Тоболу они доехали до рек Уя с Тоузаком и Абути (Убагана). Бассейны Тапа и Юрги мы включили в территорию соседних юртовских татар. Остальная территория, видимо, осваивалась всеми группами коренного населения Тюменского уезда и даже уфимскими башкирами и поэтому осталась нами не разделенной.

Татары Тюменского уезда занимались не только скотоводством, охотой и рыболовством, но и земледелием. Искинская волость в течение всего XVII в. платила ясак хлебом. По данным В. И. Шункова, до 1624 г. хлебом платила ясак и Иленская волость. Есть все основания предполагать, что земледелием занимались также татары Киргизской, Шикчинской и Каскаринской волостей и юртовские служилые татары.

В табл. 12 отражен состав коренного населения Тюменского уезда на конец XVI — начало XVII в.

В то время как в Турийском уезде русское население распространялось вниз по Туре в пределы первоначального Тюменского уезда, в последнем можно отметить некоторое продвижение татарского населения вниз

³⁰ См. там же, стр. 169.

³¹ См. там же, стр. 357.

³² См. там же, стр. 407, 480.

³³ См. там же, т. I, стр. 288.

Таблица 12

Этнографический состав населения Тюменского уезда

Волость	Число юрт	Время учета	Численность		Группировки XIX в., со-ответствующие группировкам XVII в.
			платель-щиков	всего населения	
Татары					
Кинзырская	10—11	1629 г.	78	310	
Иланская	8—9	1631 г.	74	300	
Некинская	6	1690 г.	38	150	
Шикчинская и Ка- каринская	13—14	1631 г.	74	300	
Юртовская	6—7	1645 г.	108	430	Варваринская волость Тюменского округа, я- может быть, Аваабаке- евская Ялуторовского округа
Башкиры (?)					
Бачкирская	3—4	1594 г.	55	220	Вероятно, в составе за- уральских башкир
Терсяцкая	Св. нет	(исчисле- ние 1615 г.)	52	210	Башкиры Терсатского аймака
Пышминская и Исет- ская	5—6	(исчисле- ние 1631 г.)	24	100	Сингульская волость Ялуторовского округа
Итого в 30—40-х годах XVII в. . . .			503	2020	
«Сырянцы» верховь- ев Пышмы и Исети	Св. нет	Конец XVI в.	150	600	Башкиры Сирианского аймака
Всего			653	2620	

по Тура. Так, в юртах в устье р. Тегенки, где в начале XVII в. жили кинзырские татары, в конце XVII в. Ремезов помещает уже иланских татар. В целом же Тюменский уезд к концу XVII в. был вынужден уступить Верхотурскому и Тобольскому (!) уездам всю территорию вверх по Пышме и Иsetи, включая и территории Бачкирской и Терсяцкой волостей, на которых татарское население сменилось русским. По данным И. Н. Буцинского, к 1645 г. в Тюменском уезде русского населения было уже не менее 1750 семейств, т. е. около 7 тыс. чел.³⁴

Буцинский считал, что в конце XVI и начале XVII в. «в Тюменском уезде жило гораздо больше татар». В частности, он указывает, что в 1617 г. в Тюменском уезде была волость Ерзовская, которая в 1629 г. и позже в нем не значится³⁵. Деревни с названием Ерзовка имеются под Туринском, к северо-западу от Камышлова и у устья Ницы. Здесь же у устья Ницы у Ремезова показано оз. Ерзовка. Вероятно, Ерзовской волостью была названа какая-то группа кинзырцев, так же как по оз. Андреевскому часть тюменских татар первоначально называли андреевскими (см. выше).

³⁴ См. И. Н. Буцинский. Заселение Сибири. Харьков, 1889, стр. 100.

³⁵ См. там же, стр. 8.

Г л а в а V

ТАРСКИЙ УЕЗД

Город Тара был построен в 1594 г. воеводой князем А. В. Елецким для сбора ясака с сибирских татар, живших вверх по Иртышу, для приведения в русское подданство барабинских и некоторых других групп татар и для защиты русских владений в Сибири от продолжавшихся набегов скрывавшегося в прииртышских степях Кучума. Первоначально город намечалось построить у впадения в Иртыш р. Тары, и хотя в конце концов город был построен на левом берегу Иртыша, на р. Агарке, название Тары так и осталось за ним. Вскоре после основания города, в 1598 г., тарский воевода Иван Мосальский на Оби (где-то, видимо, в районе современного Новосибирска) окончательно разбил Кучума.

Тарский уезд выделялся из других западносибирских уездов большим количеством ясачного татарского населения. Вместе с тем в течение всего XVII в. Тара продолжала быть важнейшим опорным пунктом русских в борьбе как с преемниками Кучума, его многочисленными сыновьями и внуками, так и с появившимся в начале XVII в. в прииртышских степях ордами калмыцких тайшей.

В территорию Тарского уезда входили долина Иртыша с его притоками примерно от устья Ишима до устья Тары, бассейн р. Тары, почти весь бассейн р. Оми (кроме низовьев), районы озер Чапы и Убинского и верховья рек Каргата и Чулымка из бассейна оз. Чалы.

Все ясачное население Тарского уезда в наших источниках называется татарами. Если среди этих татар и были группы иного (угорского, самоедского) происхождения, то к концу XVI — началу XVII в. они были, видимо, полностью тюркизированы. Только в конце XVII в. в Тарском уезде появились калмыки и остыки.

Список ясачных волостей Тарского уезда и данные о числе плательщиков ясака в них за ряд лет приводятся в табл. 13.

Для лучшего понимания данных этой таблицы, надо иметь в виду, что сведения за 1593 г. имеют разный характер. По волости Саргач и примыкающим к ней волостям Тав и Отуз данные, по-видимому, более или менее близки к действительности, хотя и исполнены. Но по волостям Коурдак и Аялы данные производят впечатление преувеличенных. Насколько им можно верить?

Мы знаем, что в волости Аялы в 1625 г. было 217 плательщиков ясака. Можно предполагать, что тарские служилые татары, которых в 1626 г. было 57¹, тоже происходили из этой волости. Известно также, что в 1595 г. 90 аялынцев с семьями, не желая принять русское подданство, бежало

¹ ЦГАДА, ф. 214, кн. 11, лл. 402—403.

Таблица 13

Численность плятельщиков ясака Тарского уезда²

Волость	Год													
	1593	1624	1625	1634	1636	1645	1651	1660	1662	1671	1675	1691	1701	1707
Саргач (Иним-томак)	80	36	46	48	43	70	70	70	72	70	88	88	95	
Тебендея	—	19	26	25	25	25	25	25	25	25	28	28	28	28
Котлубахтина	—	9	13	12	15	13	13	13	13	13	13	13	13	13
Я-Иртыш	—	41	31	13	13	13	13	13	13	13	15	15	19	
Отуз	15	8	11	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9
Тав	10	6	11	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9
Тав-отуз (Куллары)	—	25	32	23	25	27	27	27	27	27	27	27	27	26
Коурдак	350	154	214	195	195	195	195	150	150	150	151	187	188	191
Аялы	500	152	217	170	188	188	188	189	158	158	158	195	196	198
Тураш (Кулеба)	—	15	33	18	18	14	14	18	18	19	23	23	23	23
Любай	—	14	28	16	16	16	16	17	17	8	13	11	11	11
Тунус (или Чангуда) и Лугуй (Угуй)	—	16	31	21	21	21	21	22	22	22	26	26	26	26
Бараба (и Кирпичи)	—	56	116	84	70	70	70	74	74	68	78	78	78	78
Чой	—	7	17	15	17	12	15	15	17	17	22	22	22	22
Терсия	—	12	28	8	8	8	8	9	9	10	15	15	15	15
Карагалинские поручные татары	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8	34	37	
«Калмыки»-коурчаки	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	106	106	110	
Приезжие остыки	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	5	9	
Всего . . .	955	533	843	657	663	681	684	651	622	611	643	853	884	910

из Черного городка на Иртыше, взятого тарским головой Борисом Доможировым. Вместе с этими аяльницами из Черного городка убежало и 50 «малогородцев»³. Очевидно, эти «малогородцы» — тоже часть аяльских татар. В том же 1595 г. служилый человек Гр. Ясырь привел с Вузюкова озера, находившегося в Малогородской волости, 28 (или 23) аяльцев, перебив остальных⁴. Если предположить, что Ясырь перебил 20–30 чел., то, сложив все предыдущие цифры, получим, что первоначально аяльских татар, вместе с «малогородцами», было до 440 трудоспособных мужчин. Предполагая существование известного количества захребетников, можно считать, что цифра 500 в какой-то степени отражает первоначальную численность трудоспособных мужчин у аяльских татар.

По Коурдакской волости у нас нет данных, объясняющих уменьшение ее численности, но, очевидно, и для нее не прошли бесследно эти бурные годы присоединения Западной Сибири к России. Кроме того, сокращение числа членов Коурдакской волости с 350 в 1593 г. до 212 в 1625 г. не так велико по сравнению с сокращением числа аяльцев. В общем и для ая-

² Эта таблица составлена по следующим данным: Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I. М.—Л., 1937, стр. 561; ЦГАДА, ф. 214, кн. 11, лл. 231—283, 214—222; кн. 56, лл. 253—276; кн. 71, лл. 404—418; кн. 177, лл. 106—136; кн. 260, лл. 162—193; кн. 411, лл. 188—223; кн. 442, лл. 121—128; кн. 548, лл. 174—183; кн. 684, лл. 229—232; кн. 995, лл. 161—250; кн. 1301, лл. 231—264; кн. 1487, лл. 2—53. Из данных за 1593 г. мы включили в таблицу волости Токус, Урус (?) и Сунра, так как это, очевидно, группы татар Тобольского уезда.

³ См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I, стр. 367.

⁴ См. там же, стр. 294, 367.

лынцев и для коурдаков мы решили принять в качестве исходных данные 1593 г., несмотря на явную некоторую их округленность. Возможно, что уменьшение численности аялынцев и коурдаков объясняется какими-либо эпидемиями.

По Саргачской волости и примыкающим к ней волостям и деревням в качестве исходных придется взять сведения 1625 г., так как за 1593 г. по этой группе татар Тарского уезда данные явно преуменьшены, или, может быть, не являются полными.

По барабинским волостям (Бараба, Тураш, Любай, Тунус, Чой, Тереня) тоже пришлось, за пением других, взять в качестве исходных данные 1625 г., за исключением волости Тунус, о которой известно, что в ней было в 1595 г. 40 мужчин⁵, а не 31, как в 1625 г.

На численности тарских татар сказывались следующие события. В 1610 г. несколько татар Тарского уезда сбежало к калмыкам, приходившим под самую Тару⁶. В 1625 г. «белые калмыки» коурчаки убили в Барабе двух плательщиков ясака⁷. В 1628—1629 гг. произошло восстание и массовый уход тарских татар в степи к калмыкам и кучумовичам⁸. В 1631 г. калмыки-чоросы, внук Кучума Девлеткирэй и тарекие изменники разгромили Саргачскую и Коурдакскую волости⁹. В 1634 г. калмыки разрушили татарские деревни под Тарой¹⁰. В 1636 г. в волости Тураш калмыки убили пять плательщиков ясака¹¹. К 1671 г. выяснилось, что шесть барабинцев побили калмыки в 1660 г.¹², и т. д. Рост населения к 1691 г. и позже объясняется не только естественным приростом населения, но и «выходом из степей» и, вероятно, уточнением учета.

Численность юртовских служилых татар в Тарском уезде изменилась следующим образом: в 1626 г. их было 57, в 1691 г.—65 и в 1701 г.—84¹³. Мы будем ниже причислять тарских служилых татар к Аялынской волости.

Выше мы рассматривали волости Тарского уезда по четырем группам: Саргач, Коурдак, Аялы и Бараба. Выделение Коурдака и Аялы в объяснении не нуждается. Волости Тав, Отуз, Тав-Отуз и Я-Иртиш, а также деревни Котлубахтишу и Тебенди мы объединяем с волостью Саргач по следующим соображениям. Уже из табл. 13 видно, что некоторые из этих волостей и деревень объединялись в ясачных книгах. Кроме указанных в таблице объединений, встречались еще объединения волостей Тав-Отуз, Я-Иртыш и дер. Котлубахтишой; Саргач и дер. Тебенди. В ясачных книгах имеются также указания, что дер. Тебенди входит в Саргачскую волость. Миллер сообщает, что глава городка Тебенда был потомком ишимского хана Саргачика¹⁴. При этом надо иметь в виду, что названия волостей Тав (ср. приток Ишима Тав) и Я-Иртиш (ср. название оз. Ян-Иртыш) чисто территориальные, так же как и название Ишим-томак («Ишима-устье»), которым называли основную часть Саргачской волости, очевидно для того, чтобы показать, что эта группа представляет все же не всю Саргачскую волость, а лишь ту ее часть, которая живет в устье Ишима. Также и название Отуз («тридцать»?) является в настоящее время названием дер. Утуз на Иртыше в этом же районе. Название дер. Котлубахтишой (Котлу-

⁵ См. там же, стр. 370.

⁶ См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II. М.—Л., 1941, стр. 33.

⁷ См. там же, стр. 580 (примечание А. И. Андреева).

⁸ См. там же, стр. 97—98, 343—344, 358—359, 387—390, 447.

⁹ См. там же, стр. 102, 381—385, 394.

¹⁰ См. там же, стр. 107.

¹¹ ЦГАДА, ф. 214, кн. 71, л. 417 об.

¹² Там же, кн. 548, л. 182.

¹³ Там же, кн. 11, лл. 402—403; кн. 995, лл. 71—74; см. С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. III, ч. 2. М., 1955, стр. 163.

¹⁴ См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I, стр. 259.

бахтыской) происходит от собственного имени плательщика ясака Котлубахты Суюлдюкова, возглавившего эту деревню в 1624 г.

То, что волость Саргач (Ишим-томак) и дер. Тебенде составляют одну территориально-этнографическую группу, несомненно. Вполне вероятно, что волости Отуз, Тав-Отуз, Тав, Я-Иргиш и дер. Котлубахты образуют другую такую группу. Еще по переписи 1897 г. отмечены отдельные татарские волости — Саргачская в районе устья Ишима и вверх по последнему и Тав-утузская, включавшая, в частности, дер. Утуз, по Иртышу, вверх от устья Ишима, немного не доходя устья Тая, там же, где эти волости находились и в XVII в. Мы склоняемся к тому, чтобы рассматривать обе эти группировки, и собственно саргачскую, и тав-утузскую, с примыкающими к ним волостями и деревнями в качестве одного племени прииртышских татар. Это племя восходит, очевидно, к племени Оп-Сонхана, жившего якобы когда-то в устье Ишима в городке Кизыл-тура (Красном городе), и его преемникам Иртышаку и затем Саргачику¹⁵. На карте все это племя Саргач мы показываем одним контуром, но выделяем написями входящие в него вышеизванные группы.

По нашему мнению, одно племя татар составляет и Бараба с примыкающими к нему группами Тунус, Тураш (Кулеба), Любай, Чой, Тереня и др. Миллер так характеризует Барабинскую волость: «Волость Бараба имела всегда преимущество перед всеми остальными волостями из-за занятости живших там людей, а также из-за числа ее жителей. Поэтому татары называют ее Улу-Бараба, и вся местность между Иртышом и Обью получила у русских название Барабы и Барабинской степи, а все противоположные волости названы по ее имени Барабинскими волостями. Говорят просто: «ехать Барабою» или через «Барабу»... Теренинскую волость иногда присоединяли также к первой и таким образом говорили: путь «через Барабу и Теренью»¹⁶.

Поэтому мы всю эту группу волостей будем рассматривать как одно племя, но из-за обширности территории, которую занимали барабинские волости, на карте не только покажем малые Барабинские волости вади-сями, но и попытаемся выделить их территории. Это надо сделать также

Таблица 14

Численность коренного населения Тарского уезда

Племенная группа	Начало XVII в.		Середина XVII в.		Рубеж XVII—XVIII вв.	
	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения
Саргач	159	640	157	630	190	760
Коурдак	350	1400	195	780	191	760
Аялы	500	2000	253 ¹⁷	1010	282 ¹⁷	1130
Бараба	253	1010 ¹⁸	157	630	212 ¹⁹	850
«Калмыко-коурчаки» . .	—	—	—	—	110	440
Всего . .	1262	5050	762	3050	985	3940

¹⁵ См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I, стр. 190.

¹⁶ Там же, стр. 297.

¹⁷ Со служилыми татарами.

¹⁸ Без карагалинских татар и поправок по волостям Тунус и Чой. См. табл. 15.

¹⁹ С карагалпиками татарами.

потому, что волость Тереня в качестве более или менее самостоятельной группировки упоминается и в Тарском и в соседнем Томском уезде.

В табл. 14 отражено изменение численности коренного населения Тарского уезда в течение XVII в. по четырем племенным группировкам, описаным выше.

Подразделениями волостей в Тарском уезде были деревни. Маленькие волости совпадали с деревней. Например, в Саргачской группировке, помимо названных выше деревень и волостей, известны еще лишь две деревни — Аксипова и Улу-бурен. Таким образом, в этой группировке племени татар в 1625 г. было всего девять деревень (в скобках указано число плательщиков ясака): Ишим-томак²⁰ (31), Тебенда (26), Аксипова (10), Котлубахтыева и Улу-бурен (13), Тав (11), Я-Иртиш (7), Тав-Отуз (32), Отуз (13). Кроме того, два захребетника Саргачской волости жили вверх по Ишиму.

В волости Коурдак известно 13 деревень: Кова, или Кау (10), Кочеук (15), Сартаул (14), Ош-томак (9), 2-й Ош-томак (15), 1-й Аю (15), Байгильдеева (5), Тенкешова (24), 2-й нижний Аю (14), Ташъетканова (11), Икъир (29), Людемак (14), нижний Коурдак (36)²¹.

В волости Аялы известно 15 деревень: Верхний Тунус (6), Кетешиева (3), Кошбахтина (17), Бергомак (28), Абай-томак (11), Сенткулова (16), Чепилрева (31), Тар-томак (23), Рухлерь (13), Буксунова (13), Буян (8), Большая (23), Байгильдеева (15), Уй-томак (6), Ашут (3).

В волости Бараба известно 10 деревень: Сарыбекбулатова (18), Бекбулатова (8), Мумракова (13), Кугутаева (30), Сергулова (14), Иргесева (18), Красный яр на Оми реке (7), Саурикамова (2), Елизакова (3), Колтаева (3). Волость Тереня образовывала одну деревню (28). В волости Чой было две деревни: Сулбуева (16) и Икульская (1). В волости Туран (Кулеба) было шесть деревень: Ельбаева (10), Ачимовская (4), Байбохтина (4), Иткурюколская (3), Толубаевская (10), Бахманова (3). В волости Любай было три деревни: Саболина (8), Ахматовская, или Шоккулина (12), Майдарова (8). В волости Тунус тоже было три деревни: Чок (17), Будалина (8), Чичакова (6).

Все названия этих деревень имеют или территориальное происхождение или происходят от имен возглавлявших их лиц, иногда называемых есаулами и редко князцами.

В Тарском уезде уже в первой половине XVII в. жили «бухарцы», т. с. выходцы из Средней Азии. Вначале их было немного, всего 21 трудоспособный мужчина, но позже, к 1672 г. их уже было 53 двора (всего более 200 чел. населения). Мы на карте их особо не выделяем (они жили в пределах Аялынской волости), но показываем в итоговой таблице этнографического состава и численности населения Тарского уезда.

Нанесение территорий тарских волостей на карту облегчило то обстоятельство, что все они сохранились до конца XIX в. В некоторых волостях тарских татар, по переписи 1897 г., деревни сохранили те же названия, какие у них были в XVII в. Например, в Коурдакской волости из 13 деревень, бывших в этой волости в 1625 г., к 1897 г. сохранилось девять с такими же названиями и т. д.

При определении общих внешних границ Тарского уезда в XVII в. приняты во внимание границы Тарского округа Тобольской и Канской округа Томской губернии конца XIX в., в которые входили все тарские волости, бывшие в Тарском уезде в XVII в.

²⁰ Томак — значит устье.

²¹ Миллер ошибочно считает, что волость Коурдак была самой нижней по Иртышу во всем Тарском уезде (см. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I, стр. 291). В действительности самой нижней волостью была Саргач.

Таблица 15

Этнографический состав коренного населения Тарского уезда

Племенные группы, групповые роды	Число деревень и городков	Год учета	Численность		Группировки XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
			плательщиков ясака	всего населения	
Татары					
Саргач	3	1625	72	290	Саргатская волость Тарского округа
Я-Иртиш	2	1625	20	80	
Отуз	—	1625	24	100	
Тав	—	1625	11	40	
Тав-Отуз (Куллары)	—	1625	32	130	
Итого Саргач			159	640	
Коурдак	13	1593	350	1400	Коурдакская волость Тарского округа
Аялы	15	1593	400	1600	Аялинская волость Тарского округа
Юртовские татары .	Св. нет	1593	50	200	
«Малогородцы» . . .	2	1593	50	200	В 1595 г. убежали в степь к Кучуму
Итого Аялы .			500	2000	
Бараба и киринки .	10	1625	116	470	Барабинская волость Каинского округа
Тунус (Чангута, Пугуй)	3	1595	40	160	Тунужская волость Каинского округа
Тураш (Кулеба) . .	6	1625	33	130	Туражская волость Каинского округа
Любай	3	1625	28	110	Любейская волость Каинского округа
Карагала	Св. нет	1707	37	150	Каргалинская волость Каинского округа
Чой	2	1678	22	90	Чойская волость Каинского округа
Тереня	Св. нет	1625	28	110	Теренинская волость Тарского округа
Итого Бараба			304	1220	
Бухарцы	—	1622	21	80	Бухарская волость Тарского округа
Всего			1334	5340	

В Аялынской волости на карте отдельно показаны вышеупомянутые «малогородцы». Известно, что в Малогородской волости находились Черный городок и Бузюково озеро, которое Миллер отождествляет с оз. Большим, расположенным близ Иртыша, выше Татмыцкой слободы. (Очевидно, это оз. Большое Мурлы выше с. Такмык в Большерецком районе Омской области). Известно также, что Малый городок находился у этого Бузюкова озера, а Черный городок — на Иртыше, ниже Чериолутской слободы, в 40 км от нее²².

Карагалинские татары, насколько нам известно, появляются в ясачных книгах Тарского уезда с 1691 г. (как захребетные), а под названием карагалинские — с 1701 г. В 1897 г. в Каниском округе Томской губернии имелась Карагалинская волость, расположенная в верховьях р. Тартаса. По-видимому, карагалинские (может быть, карагайлинский) татары занимали большую территорию в верховьях рек Тары и Тартаса, по соседству с нарымскими селькупами. В ясачных книгах 1701 и 1707 гг. часть их (23 чел.) записана под заголовком «С карагайлинских с порушных татар», а остальные — «Барабинской и Чойской волостей с порушных татар»²³. По-видимому, эта группа первоначально или совсем ускользала от обложения ясаком, или облагалась им в составе других волостей. Мы все же показываем Карагалинскую волость в итоговой табл. 15, несмотря на ее позднее появление в ясачных книгах²⁴.

В этой таблице даны также отдельно служилые юртовские татары (их численность к приходу русских условно определена в 50 мужчин) и «малогородцы» (численность обоих этих групп вычтена из численности плательщиков ясака Аялынской волости за 1593 г.).

Что касается «калмыков»-коурчаков, то они в итоговой таблице не учтены и на карте не показаны. Они кочевали в Тунусской, Любайской, Турашской (Кулебинской) и Барабинской (на Сартлане-озере) волостях. Но в ясачных книгах за 1701 и 1707 гг. в отношении калмыков-коурчаков есть такие записи: «В прошлых годах многих их взял к себе сильно тайша Кокон и калмыки эти от него разбежались». Мы даже не можем сказать с уверенностью, «белые» ли это или «черные» калмыки, т. е. тюрки или монголы. Что касается «прнезжих остыков», то они зарегистрированы в Аялынской волости. Вероятно, это выходцы из Васыуганья. Один из этих остыков в 1700 г. сбежал еще дальше от своих васыуганских болот и лесов — в степь.

Все татары Тарского уезда были скотоводами и коневодами. Они промышляли в больших масштабах также охотой и рыболовством. Занимались татары Тарского уезда, по крайней мере аялынские, и земледелием, но в относительно небольших масштабах. В итоговой табл. 15 приведен родоплеменной состав населения Тарского уезда в XVII в.

Тав-Отузская волость соответствовала, вероятно, позднейшей дер. Куллары. Тураш и Кулеба были, видимо, две разные волости, слившиеся в одну. Волость Тунус так называлась по ее «городку» (вероятно, это и был так называемый «Мерзлый городок»). Она называлась также Чангулой — по имени возглавлявшего ее мурзы. Волость Лугуй, находившаяся, по предположению Миллера, на оз. Угуй, слилась с волостью Тунус. Волость Киринки называлась по имени своего есаула. Она затем вошла в состав Барабы как одна из ее деревень (см. выше).

²² См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I, стр. 294—295, 367, 476, 501.

²³ ЦГАДА, ф. 214, кн. 1301, лл. 247, 248; кн. 1487, лл. 22—23.

²⁴ Надо также заметить, что Миллер один раз упоминает Карагалинскую волость вместе с Чойской и Теренинской как волости, вошедшие в состав Тарского уезда в конце XVI в. (см. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I, стр. 297). Хорошее описание расселения волостей тарских татар дано у Радлова (W. Radloff. Aus. Sibirien. Bd. I. Leipzig, 1884).

Гла́ва VI

ТОБОЛЬСКИЙ УЕЗД

Столица русской Сибири XVII—XVIII вв. г. Тобольск был основан против устья Тобола на р. Иртыше в 1587 г. письменным головой Данилой Чулковым, по соседству с прежней татарской столицей Сибири Каштыком (Искером). Поход Данилы Чулкова, одного из основателей Тюмени (см. гл. IV), был совершен по прямому указанию из Москвы и имел целью закрепиться в центре татарских владений в Западной Сибири. Базой похода Чулкова служила Тюмень, куда специально для этого похода было дополнительно призвано 500 служилых людей. В 1588 г. Чулков взял в плен и отправил в Москву хана Сейдяка, соперника Кучума, сумевшего после бегства последнего на некоторое время возглавить Сибирское ханство. В 1590 г. в Тобольск прибыл первый воевода, князь В. В. Кольцов-Масальский, и Тобольск перестал подчиняться Тюмени, превратившись в самостоятельный уездный город Сибири.

В начале территории Тобольского уезда охватывала, помимо низовьев Тобола, все русские владения по Иртышу, Оби Тавде и Конде. Но с постройкой в 1593 г. Пелымы и Березова, а в 1594 г. Сургута и Тары площадь Тобольского уезда значительно сократилась.

Перейдем к рассмотрению коренного населения Тобольского уезда в тех его границах, которые определились примерно к началу XVII в. Следует, однако, заметить, что в дальнейшем в Тобольский уезд перешли из Нельымского уезда волости Меньшая (Малая) Конда (1629 г.), Большая Конда и Леуши (1674 г.), Табаринская (1706—1711 гг.); из Березовского уезда — Кодские городки, Белогорская, Ендырская, Ястыльская (около 1677 г.); из Сургутского уезда — Темличеева и Салымская (Салинская?). Все эти группы населений, за исключением Малой Конды, мы показываем в соответствующих вышеназванных уездах. Малая Конда отнесена нами к Тобольскому уезду потому, что расположенная выше ее по Конде волость Юконда издавна числилась в Тобольском уезде. Если бы мы Юконду показали в Тобольском уезде, а Малую Конду — в Нельымском, то получилась бы совершенно невероятная конфигурация границ между этими уездами. По этим и ряду другим соображений мы Малую Конду показываем вместе с Юкондой в составе Тобольского уезда, в который Малая Конда входила и первоначально — в 1590—1593 гг.

В тех границах, которые определены нами выше, Тобольский уезд занимал территорию вдоль Иртыша вниз от устья Ишима до района устья Конды, пизовья Конды, пизовья Тобола, вниз от района устья Тавды, и пизовья Тавды. Между Тоболом и Иртышом в пределы Тобольского уезда входили также пизовья Вагая. Река Демьянка почти вся находилась в пределах Тобольского уезда.

Население Тобольского уезда состояло из остыков (хантов) и татар. В табл. 16 приводится список ясачных волостей Тобольского уезда с данными об изменениях в них численности плательщиков ясака за ряд лет XVII и начала XVIII в.

Первые 18 волостей, указанные в табл. 16, являются татарскими, остальные девять — осяцкими или (Юкоанды) ногульскими.

Численность плательщиков ясака Тобольского уезда¹

Волости	Год													
	1629	1630	1631	1644	1652	1660	1671	1674	1679	1691	1700	1703	1707	1717
Ясколба и Лоймытомак	54	54	54	85	95	121	136	137	144	143	199	195	209	215
Вачиер	18	18	18	13	9	16	17	16	14	10	18	14	11	19
Аремзян	17	17	17	22	19	25	29	30	31	20	29	34	34	32
Карбипа и Ук . . .	28	28	28	34	25	37	32	31	30	19	36	34	35	26
Би-туртас, Кул-туртас и Уват	43	43	43	64	50	56	75	81	101	80	104	106	107	85
Надцы	56	56	56	56	56	69	81	76	91	69	106	102	113	80
Лобутан	1	1	1	2	4	6	7	9	6	3	9	9	8	4
Калымма	10	10	10	9	10	18	30	30	29	34	46	48	57	47
Кошуки	85	85	85	93	88	106	133	131	122	102	152	143	133	123
Ашила (Лаймы) . . .	12	12	12	11	13	18	19	20	24	19	43	46	49	45
Бабасан (на Нерде) . .	28	28	28	30	36	49	56	57	55	58	90	97	99	90
Бабасан (отдельная) . .	14	14	14		30	49	56	57	55	58	90	97	99	90
Кречатники на Ашле .	20	20	20	12	16	31	31	27	25	45	62	66	66	60
Кречатники на Вагае (Капканы)	6	6	6	7	8	8	8	8	8	6	12	14	19	18
Кречатники (без указания места жительства)	11	11	11	6	9	12	12	10	12	8	9	9	8	7
Индеръ	14	14	14	12	11	12	10	9	9	8	23	26	27	38
Уват	27	27	27	23	29	28	38	35	31	34	43	41	44	54
Суира	5	5	5	5	3	3	4	2	2	3	2	2	3	2
Назым (Лебоут) . . .	60	60	60	60	57	63	80	79	97	89	110	108	103	82
Демьян	37	37	37	48	49	56	68	68	75	74	93	89	77	67
«Верх Демьянки Мит'кина»	5	5	5	6	7	8	6	5	4	—	—	—	—	—
«Верх Демьянки Григорова»	9	9	9	13	12	12	16	13	17	13	13	10	11	15
Нарым	56	56	56	63	68	79	102	101	119	101	129	107	96	83
Тархан (Колнугол) . .	38	38	38	44	44	49	45	47	53	45	92	86	87	73
Цынга	7	7	7	4	5	9	10	10	8	5	16	16	14	9
Юконда	62	62	62	56	65	76	73	65	69	53	89	80	76	58
Малая Конда	41	41	41	52	54	74	81	79	90	80	116	105	95	91
Всего	764	764	764	830	842	1041	1199	1176	1256	1121	1641	1587	1581	1423

¹ Эта таблица составлена по данным следующих книг фонда 214 ЦГАДА: 19 (лл. 371—402), 22 (лл. 303—375), 32, ч. I (лл. 1—81), 271 (лл. 9—31), 281 (лл. 12—49), 411 (лл. 11—48), 548 (лл. 14—52), 674 (лл. 8—83), 987 (лл. 50—95), 1376 (лл. 970—989), 1473 (лл. 204—479), 1602 (лл. 2—304), 1598 (лл. 2—283). Данные за 1674 и 1700 гг. заимствованы из труда Б. И. Шукова «Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII вв.» (М.—Л., 1946, стр. 95—96). Колпуголскую волость, бывшую в ведении князей Алачевых, мы присоединили к ясачной Колпуголской (Тарханской) волости Тобольского округа.

Из 27 волостей Тобольского уезда три именовались городками (Демьян, Нарым, Кошуки), одна — деревней (Калыма), остальные официально именовались волостями.

В отличие от большинства других уездов Сибири XVII в., численность плательщиков ясака в Тобольском уезде значительно возросла (к началу XVIII в. более чем вдвое). Мы склонны считать, что до начала 60-х годов XVII в. плательщики ясака не были еще полностью учтены, особенно у татар, у которых очень большая часть населения числилась в качестве захребетников служилых татар. Волости Ашила (Лаймы), обе Бабасанские, все кречатники² и Иnderь, Уват и Суира целиком являлись такими «захребетниками», положенными в ясак. Но нельзя отрицать и естественного прироста коренного населения в XVII в., особенно татарского. Исходя из всех этих соображений, мы решили число плательщиков ясака в Тобольском уезде в начале XVII в. (и ко времени прихода русских, т. е. к концу XVI в.) определить по данным 1660 г., численность же коренного населения Тобольского уезда в середине и конце XVII в. — по данным 1671 и 1700 гг. Данные 1671 г. представляют результат уточнения учета в процессе реформаторской деятельности воеводы П. И. Годунова в 1667—1670 гг., и можно считать, что они отражают действительную численность плательщиков ясака.

Но, кроме плательщиков ясака, в Тобольском уезде жили служилые татары и бухарцы, ясака не платившие. Служилых татар в 1660 г. числилось 257, в 1707 — 260; трудоспособных бухарцев-мужчин в 1631 г. числилось 59, в 1686 г. — 44³.

Тюркоязычное (татарское) население Тобольского уезда (не считая бухарцев) можно разделить на две большие части: на юртовских служилых татар с примыкающими к ним волостями их бывших захребетников, занимавших южную часть уезда, и остальных татар, вероятно отатарившихся vogулов и остыков, живших в северной части уезда по соседству с vogулами и остыками⁴. Их волости Кошуки, Ясколба и Вачиер, очевидно, по своему происхождению были связаны с пелымскими vogулами (Кошуки с табаринцами, а Ясколба и Вачиер с Кондой), а остальные северные татарские волости, расположенные по Иртышу (Аремзян, Надцы, Карбина и Ук, Би-туртас, Кул-туртас и Уват), представляли южное ответвление прииртышских хантов. Неясно лишь положение Лобутана и Калымы.

В источниках XVII в. все нетатарское население Тобольского уезда считается остыками. В настоящее время жителей волости Юконда считают vogулами (манси), а остальных — хантами. Здесь мы лишний раз видим условность существующего деления обских угров на хантов и манси.

В табл. 17 показано изменение численности плательщиков ясака в Тобольском уезде в течение XVII в.

Как видно из этой таблицы, в Тобольском уезде в течение XVII в. не только возросла общая численность населения, но, что особенно любопытно, хантыйское население увеличивалось быстрее, чем татарское.

При панесении на карту территории, занятых разными волостями коренного населения Тобольского уезда, мы в ряде случаев показываем несколько волостей одним контуром. Так, у остыков объединены волость Колпуголская (Тарханская) с той частью волости, которая находилась

² Кречатниками назывались волости, которые платили ясак не пушниной, а ловчими птицами, кречатами.

³ См.: Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II. М.—Л., 1941, стр. 549—550, приведение С. В. Бахрушина; В. И. Шуков, Ясачные люди в Западной Сибири XVII века. «Советская Азия», 1930, № 3—4, стр. 185.

⁴ Исследования В. В. Храмовой показали, что в культуре современных «заболотных» татар (в XVII в. это были волости Ясколба и Вачиер) много черт, сближающих их с хантами и манси (см.: Народы Сибири, М.—Л., 1956, стр. 473—491).

Таблица 17

Численность коренного населения Тобольского уезда

Этническая группа	Начало XVII в.		Середина XVII в.		Конец XVII в.	
	плательщиков исака	всего населения	плательщиков исака	всего населения	плательщиков исака	всего населения
Татары . . .	872	3500	975	3900	1243	4970
Бухарцы . . .	59	240	44	180	70 ⁵	280
Остяки . . .	426	1700	481	1920	658	2630
Всего . . .	1357	5440	1500	6000	1971	7880

в ведении кодских князей Алачевых, а городок Демьян объединен с двумя верхнедемьянскими волостями — Митыкиной и Григоровой.

Объединение в наших материалах обеих частей Колпуголской волости в комментариях не нуждается. Демьянский городок, находившийся на Иртыше несколько ниже устья Демянки, мы объединили с демьянскими волостями, расположеннымными вверх по этой реке, исходя из предположения, что для многочисленного населения Демьянского городка нужна была и соответствующая промысловая территория. Можно предполагать поэтому, что обширные пространства бассейна Демянки осваивали не одни малочисленные жители верхнедемьянских волостей, но и жители Демьянского городка. Общее название всех этих административно-податных единиц и р. Демянки, восходящее к имени осяцкого князца Нимиюна (Нимиюяна), подтверждает это предположение, хотя надо иметь в виду, что, по мнению С. В. Бахрушина, городок Демьян во времена похода Ермака возглавлял особый князец Бояр, а Нимиюян возглавлял лишь верхнедемьянские волости⁶.

У татар Тобольского уезда мы показываем одним контуром волость Лобутан и дер. Калыму, а другим — обе Бабасанские волости. В случае с Лобутаном и Калымой мы имеем выделение господствовавшей в прошлом в деревне семьи «князя» Лобутана, по имени которой называлась вся волость, в отдельную административную единицу. Все остальное население образовало другую административную единицу. Конечно, не имеет смысла показывать отдельно семью Васьки Лобутанова, из которой одно время состояла вся эта «волость». Да и в дальнейшем «волость» Лобутан была малочисленнее дер. Калымы. Что касается Бабасанских волостей, то их разделение произошло уже после прихода русских и показывать отдельно эти вновь образованные волости нет основания.

Надо указать, что русская администрация в Сибири в начале XVII в. сама объединила ряд туземных волостей Тобольского уезда. Так, к 1629 г. Би-туртас, Кул-туртас и Уват были объединены в одну волость, Ясколба и Лоймы-томак (т. е. «Устье Лоймы») — в другую, Карбина и Ук — в третью⁷.

Нанесение на карту волостей, городков и деревень Тобольского уезда не представило особых затруднений. Даже на современных картах мы находим с. Конукское на Тавде, р. Калыму (приток Тавды), дер. Бабасан

⁵ Цифра ориентировочная.

⁶ См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I. М.—Л., 1937, стр. 490, примечание С. В. Бахрушина.

⁷ См. В. И. Шупков. Ясачные люди в Западной Сибири XVII века. «Советская Азия», 1930, № 3—4, стр. 188—189.

Этнографический состав населения Тобольского уезда

Этнические, племенные и родовые группы	Подразделение племен и родов	Год учета	Численность		Группировки XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
			плательщиков ясава	всего населения	
Остяки (ханты и манси)					
Назым (Лебоут)	Св. нет . . .	1660	63	250	Назымская волость Тобольского округа
Демьян	Городок Демьяни, волости Миткана и Григорова . . .	1660	76	300	Верхнедемьянская волость Тобольского округа
Нарым	Св. нет . . .	1660	79	315	
Цынга	— . . .	1660	9	35	
Колиугол (Тархан)	Св. нет . . .	1660	49	200	Нарымская волость Тобольского округа
Малая Конда	» . . .	1660	74	300	Меньшекондинская волость Тобольского округа
Юкоңда	» . . .	1660	76	300	Кондинская волость Тобольского округа
	Итого . . .		426	1700	
Татары («бухарцы»)					
Юртовские	Св. нет . . .	1660	257	1030	Городовая и другие волости Тобольского округа
Бабасан	Две деревни . .	1660	49	200	Бабасанская волость Тобольского округа
Лаймы на Ашле	— . . .	1660	18	70	
Кречатники на Ашле	— . . .	1660	31	120	
Капканы на Багае	— . . .	1660	8	30	
Кречатники	— . . .	1660	12	50	Кречетинская волость Тюменского округа
Индерь	— . . .	1660	12	50	
Уват	— . . .	1660	28	110	
Суира	— . . .	1660	3	15	
Ясколба и Лоймы	Св. нет . . .	1660	121	480	
Томак					
Вачиер	— . . .	1660	16	65	
Аремзян	—	1660	25	100	
Надцы	Св. нет . . .	1660	69	280	
Карбина и Ук	Две деревни . .	1660	37	150	Надзинская волость Тобольского округа
Уват, Би и Културтас	Три деревни . .	1660	56	225	Уватская волость Тобольского округа
Кошуки	Св. нет . . .	1660	106	425	Кошуksкая волость Тюменского округа

Таблица 18 (продолжение)

Этнические, племенные и родовые группы	Подразделение племен и родов	Год учета	Численность		Группировка XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
			плательщиков исака	всего населения	
Лобутай и Калмыка Бухарцы	Две деревни . .	1660	24	100	Калымская волость Тюменского округа
	— . . .	1631	59	240	Бухарская волость Тобольского округа
	Итого . . .		931	3740	
	Всего . . .		1357	5440	

на Тоболе и речку Нерду (приток Тобола). У Иртыша есть приток Аремзянка, на котором стоят села Верхний и Нижний Аремзян. Ниже по Иртышу расположена дер. Надцы, а за ней Карбина и Уки. За Уками находится устье Туртаса и с. Уват, далее — Лебоут, а за пей устье р. Демьянки и с. Демьянское. Еще ниже по Иртышу находилась на рубеже XIX и XX вв. Нарымская волость, в состав которой входили Цигалипские юрты на Иртыше. На современных картах сел. Цынга обозначено к востоку от Иртыша, в бассейне р. Кеум, притока Демьянки. Наконец, близ устья Конды на Иртыше находились Колпуховские юрты, в которых мы можем видеть преемника Колпуголской (Тарханской) волости. Известно, что Малая Конда была расположена в пизовых р. Конды⁸. Волость Юконда охватывала большую часть бассейна р. Юконды, а центр ее, Нахрачи, находился на самой Конде. Названия Ясколба, Вачиер (Ачиры) и Лоймы-Томак сохранились и на современных картах в верхней части бассейна р. Носки, притока Иртыша. Известны Ескальбипские болота между Иртышом и Кондой⁹. Река Супра впадает в Иртыш выше Багая. Озеро Уват находится к западу от устья Ишима, сел. Индер — на Багае, а сел. Лаймы — на р. Ашле.

Здесь же на Багае и Ашле жили кречатинки. Что касается юртовских служилых татар, то мы их показали на всем из занятом перечисленными волостями пространстве в районе впадения Тобола в Иртыш и вверх по Иртышу до границ Тарского уезда. На этой территории были построены г. Тобольск, здесь же находились татарские городки Сузгун, Бицк, Чувашев, Аттиков, Ебалаков, Каравеев, часть которых сохранилась до настоящего времени в виде юрт Соусканских, сел Бизина, Абалак, Каракина. Можно вслед за С. В. Бахрушиным считать, что тобольские служилые татары — это прямые потомки господствовавшего татарского ядра Сибирского царства.

Указанное выше расположение волостей по Тавде и Иртышу хорошо соответствует описаниям походов Ермака и особенно его сподвижника Богдана Брязги, ходившего в 1582 г. к остякам вниз по Иртышу¹⁰.

При написании контуров территорий волостей на карту мы использовали также старые уездные границы и позднейшие даты по землепользованию.

⁸ См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 554, примечание А. И. Андреева.

⁹ См. там же, т. I, стр. 231, 235—236.

¹⁰ См. там же, стр. 240—247, 259—262.

вании разных групп коренного населения б. Тобольского уезда. В некоторых случаях подобных данных все же не хватало. Нельзя быть уверенным, например, в том, что бассейн Демьянки осваивали лишь обитатели Демьянского городка и обеих верхнедемьянских волостей и т. д.

В сводной табл. 18 показан родоплеменной состав населения Тобольского уезда.

О родоплеменных группировках остыков и татар Тобольского уезда трудно сказать что-либо определенное. Несомненно, какое-то этнографическое единство представляли юртовские татары со своими захребетниками. Другое единство, вероятно, образовывали прииртышские остыки (ханты), остыки с Демьянки и Малой Конды.

Часть волостей Тобольского уезда представляли, видимо, как мы уже указывали, оторвавшиеся от своих племенных объединений группы обских утров, подвергшихся татарскому влиянию. Такие раздробленные группы, осколки племен, очень типичны на стыке крупных, господствующих этнических образований с более отсталой периферией, принадлежащей к другой этнолингвистической общности. Обычно эти мелкие оторвавшиеся от своих племен группы жестоко эксплуатировались господствующим элементом их более многочисленных, экономически более сильных и культурных соседей и постепенно ассимилировались, как это имело место и в данном случае.

Такие же явления мы ниже увидим в местах соприкосновения сибирских киргизов с их окружением и в области расселения западных бурят и их киштымов (даников).

Что касается вопроса о том, представляли ли в Тобольском уезде отдельные волости, деревни, городки родовые или территориальные общины, то определенных данных об этом нет, но, вероятно, здесь уже преобладали общины территориального типа.

Как известно, часть сибирских татар в конце XVII в. ушла в степь вместе с Кучумом. В 1598 г. было «в собранье... с Кучумом» 500 человек¹¹. Мы знаем, что в решительной битве 20 августа 1598 г. на р. Оби погибло около 370 сторонников Кучума, после чего с Кучумом осталось еще человек 30, да 30 членов семьи Кучума (в том числе 16 женщин) было взято в плен¹². Кроме того, у оз. Ик жило около 30, а в одном-двух днях пути от становища Кучума кочевало еще 20 семей его людей¹³. Если считать, что в этих 50 семьях было по пяти человек, то получится, что с Кучумом перед его окончательным разгромом было около 630—640 чел., да еще около 50 бухарских торговцев¹⁴. Из осторожности можно предположить, что в степи было в разных местах еще 300—400 татар, ушедших после прихода Ермака. Таким образом, общую численность населения, ушедшего в степь с Кучумом, можно определить примерно в 1000 чел. Эта цифра подтверждается также тем, что в дальнейшем у кучумовичей было очень немного бойцов из собственно сибирских татар и силы их состояли главным образом из башкир и калмыков. Можно, следовательно, считать, что к приходу русских при Кучуме сибирских татар было примерно на 1000 чел. больше, чем в начале XVII в.

Но при этом надо иметь в виду, что Кучум был по происхождению среднеазиатский шейбанид и когда он захватил Сибирское царство, в его войске, вероятно, были и выходцы из Средней Азии. Поэтому есть осно-

¹¹ См. В. С. Сипяев. Окончательный разгром Кучума на Оби в 1598 году. Вопросы географии Сибири, сборник 2. Томск, 1951, стр. 144—145.

¹² Там же, стр. 148.

¹³ Там же, стр. 144—145.

¹⁴ Там же.

вания предполагать, что когда разбитый Ермаком Кучум бежал в степь, то его сопровождали в основном те же люди, которые пришли с ним из Средней Азии, а не коренные сибирские татары.

Занимались тобольские татары, помимо скотоводства, земледелием, но в очень скромных размерах, едва ли обеспечивавших потребности самого татарского населения. Наряду с этим тобольские татары промышляли рыболовством и охотой. Охотясь по Ишиму, Вагаю и Тоболу, они заходили довольно далеко на юг.

Уже в 30-х годах XVII в. и русские продвинулись в степь. В 1632 г. передовая русская застава находилась у оз. Белого, в шести днях езды от Тобольска.

Тобольские остыки занимались главным образом рыболовством и охотой. Самые южные группы их, по-видимому, имели в небольшом количестве лошадей и крупный рогатый скот.

Глава VII

БЕРЕЗОВСКИЙ УЕЗД

Березовский уезд вместе с Маигазейским (см. гл. XIII) и Якутским (см. гл. XIX) являлся одним из трех северных сибирских уездов, частично расположенных в полосе тундры. Город Березов был построен в 1593 г. воеводой Никифором Траханиотом на левом берегу р. Сосьвы у устья речки Богулки, на месте остяцкого городка Сугмут-ваш. Березовский уезд включал остяцкое (хантыйское) население Оби вниз от устья Иртыша, осняков по притокам Оби Сосьве, Казыму, Куновату и другим, а также самоедов (ненцев) в низовьях Оби, по Пуре, на полуострове Ямал, в районе Обской и Тазовской губ. Население бассейна Сосьвы в настоящее время считается vogulами (манси), но в XVII в. в отношении его употреблялось лишь название остяки.

Кроме сбора ясака с остяков и самоедов, на администрацию Березовского уезда была возложена задача сбора таможенных пошлин со всех едущих из Европейской России в Сибирь и обратно различными северными путями. Для этой цели в Березовском уезде существовало три заставы: Обдорская, Собская, Киртасская. Четвертая застава — на волоке между реками Мутной и Зеленою на южном Ямале — должна была с 1619—1620 гг. препятствовать пользованию северным морским путем.

По своей территории Березовский уезд был одним из самых крупных и уступал в этом отношении лишь Якутскому и Маигазейскому.

В состав Березовского уезда входило и так называемое Кодское княжество. Оно состояло из собственно Коды («Кодских городков»), Ендырской волости и Васпукольской волости в Березовском уезде, части Бахонской волости в Сургутском уезде и части Колпукольской (Тарханской) волости в Тобольском уезде. Последние два владения кодских князей не рассматриваются в главах VI и VIII. Остяки, составлявшие население Кодских городков, до 1644 г. ясака не платили, а несли военную службу. Остяки Ендырской, Васпукольской и других волостей платили ясак, но не в царскую казну, а кодским князьям Алачевым. Поэтому до 1645 г. нет данных о численности плательщиков ясака в Коде, Ендырской и Васпукольской волостях за исключением 1631 г. (см. ниже).

Мы будем рассматривать Кодские городки, Ендырскую и Васпукольскую волости в составе Березовского уезда без всяких оговорок, хотя до 1644 г. эти группы остяков фактически в ведении администрации Березовского уезда не состояли.

Небольшая часть остяков другой волости Березовского уезда, Белогорской, с 1610 г. была причислена к Сургутскому уезду¹. Но мы показываем Белогорскую волость всю целиком в Березовском уезде.

¹ В Сургутский уезд из Белогорской волости перешел Муалымский городок в устье Иртыша.

Численность плательщиков ясака Березовского уезда²

Волость	Год																
	1629	1630	1631	1634	1636	1642	1645	1651	1660	1662	1671	1680	1691	1695	1701	1712	
Казань	119	118	118	121	136	147	137	150	178	190	173	209	221	235	158	170	
Обдор	144	143	143	164	163	186	161	226	227	225	306	308	371	390	353	439	
Купонин	105	103	103	109	125	138	118	150	184	198	216	271	284	310	276	318	
Сосьва }	292	290	290	325	330	277	312	400	427	444	384	439	429	455	386	338	
Естыл }					53						73	83	62	52	47		
Липин	149	146	146	147	156	160	148	209	232	234	214	244	254	259	243	276	
Белогорье	82	76	76	82	79	84	88	116	93	83	72	83	84	(84)	(84)	127	
Подгородная . . .	40	40	40	56	57	58	51	61	110	128	126	132	114	181	89	117	
Итого	931	916	916	1004	1046	1103	1015	1312	1451	1502	1564	1769	1816	1914	1644	1832	
Коде	Св. нет	Св. нет	425	Св. нет	Св. нет	Св. нет	396	428	536	414	575	651	627	Св. нет	617	725	
Ендыр	»	»	63	»	»	»	40	42	11	5	43	18					
Васпуколь	»	»	9	»	»	»											
Итого	497	—	—	—	406	440	547	419	588	669	627	—	—	617	725		
Всего	1413	—	—	—	1421	1752	1998	1924	2152	2438	2443	—	—	2258	2557		

² Эта таблица составлена по данным следующих книг фонда 214 ЦГАДА: 19 (лл. 682—712), 22 (лл. 643—675), 32, ч. 1 (лл. 246—312), 57 (лл. 286—322), 71 (лл. 589—749), 154 (лл. 377—502), 177 (лл. 329—363), 260 (лл. 239—270), 411 (лл. 331—358), 442 (лл. 187—210), 548 (лл. 203—215), 761 (лл. 64—76), 1008 (лл. 26—43), 1095 (лл. 106—127), 1305 (лл. 13—34), 1580 (лл. 62—71). Данные по Коде, Ендырю и Васпуколу за 1631 г. заимствованы из работы С. В. Бахрушина «Остяцкие и ногайские книжества в XVI и XVII вв.» (см.: С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. III, ч. 2. М., 1955, стр. 117, 120).

С 1668 г. из Березовского уезда перешли в Тобольский Кодские горо-
ки, Ендырская, Белогорская и Ястылская волости. Но мы эти группы хан-
тов будем условно рассматривать в составе Березовского уезда в тече-
всего XVII в.

Сведения об осяках и самоедах Березовского уезда носят весьма раз-
личный характер. Поэтому нам придется сначала исчерпать наши данные
об осяках (хантах) Березовского уезда и затем уже отдельно рассмотреть самоедов (иенцев), плативших ясак березовским служилым людям в
Обдорском (Носовом), Войкарском и Юильском городках.

Данные о численности ясачных осяков Березовского уезда за
лет XVII и начала XVIII в. приведены в табл. 19.

В Березовском, как и в Тобольском, уезде численность осяков в тек-
ние XVII в. довольно быстро возрастила. Но есть основание предпо-
гать, что первое время они не были учтены полностью. Поэтому для опре-
деления численности березовских осяков к началу XVII в. мы возьмем
данные 1642 г., а для Коды — 1645 г.; для середины XVII в. мы берем
данные 1660 г. и для конца столетия — данные 1691 г. Изменение числен-
ности березовских осяков в течение XVII в. показано в табл. 20.

Таблица 20
Численность осяков Березовского уезда

Начало XVII в.		Середина XVII в.		Конец XVII в.	
плательщи- ков ясака	всего на- селения	платель- щиков ясака	всего на- селения	платель- щиков ясака	всего на- селения
1509	6040	1998	8000	2443	9770

В ясачных книгах Васпукольская волость записана всегда такой фор-
мулой: «Городка Напгакора да Аспукольской волости, которые были з
князем Никифором Алачевым». Поскольку городок Напгакор — это одни
из основных кодских городков, входящих в собственно Коду (Кодское кня-
жество), то мы его название в табл. 19 опустили. Очевидно, здесь дело в
том, что младшая линия князей Алачевых, представителем которой был
Никифор Алачев, имела в Напгакоре своих служилых осяков (по дас-
ным С. В. Бахрушина, шесть человек³), но вряд ли этими осяками ис-
черпывалось все население Напгакора. Однако отсюда следует, что дас-
ные о численности плательщиков ясака в Васпукольской волости, может
быть, включают и несколько (не более шести) человек собственно кодских
осяков из городка Напгакора, паходившихся до 1644 г. в ведении князя
Никифора Алачева. Известно, что в 1594 г. в Васпукольской («Васпаку-
кок») волости было восемь плательщиков ясака⁴.

Миллер помещает Васпукольскую волость в 130 км ниже Березова на
левом берегу Оби⁵. К. Н. Сербина на своих картах, приложенных к изда-
ньям в 1937 и 1941 гг. томам «Истории Сибири» Миллера, показывает юр-
ты «Аспугль» выше Березова. Мы думаем, что Васпукольские (Аспуколь-
ские) юрты (волость) XVII в. надо отождествить с Васпухольскими юрта-
ми на левобережье Оби в бассейне р. Сеул, примерно в 120 км от места
впадения Иртыша в Обь. Территория этих Васпухольских юрт вплотную

³ См. С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. III, ч. 2, стр. 118.

⁴ См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I, М.—Л., 1937, стр. 361.

⁵ См. там же, стр. 285—286.

примыкает к территории других владений кодских князей, в частности к Ендырской волости.

Местоположение остальных осяцких волостей Березовского уезда определяется легко. Почти все их названия происходят от названий географического характера. Реки Казым, Куноват, Сосьва, Ляшин, Ендыр написаны на всех географических картах. Река Естыл имеется в атласе Ремезова. Известны и такие местности, как Обдор, Белогорье. Совершенно определено и название Подгородная. Нам известны и названия кодских городков: Нангакор, Низянский, Шоркарские юрты, Кильдесияпские юрты, Чемашевский юрт, Нарыкорские юрты, Вежакор, Вонжакирские юрты, Ка-рымкарские юрты и Большой и Малый Атлым. В начале XX в. из этих населенных пунктов на картах отмечены: Нангакор, Низянские юрты, Шоркалинское, Чемашевское, Ка-рымкарские юрты, Вежикорские юрты, Большие Атлымские и Малые Атлымские и т. д. Из юрт Ендырской волости XVII в. до настоящего времени сохранились Сухоруковские юрты и др.

Некоторое затруднение вызвало лишь следующее обстоятельство. Волости, называвшиеся по притокам Оби (например, Казым, Куповат), включали в свои пределы части долины самой Оби. Также и волость Ляшин включала в свои пределы низовья р. Сосьвы. Все это удалось установить благодаря спискам населенных пунктов, входящих в ту или иную волость, опубликованным С. К. Паткановым по данным переписи 1897 г. В устойчивости хантыйских поселков мы могли убедиться на примере Ко-ды. Можно предполагать, что так было и в других волостях хантов, и поэтому использование в данном случае для наших реконструкций материалов перенесис 1897 г. нам кажется вполне оправданным.

Наибольшие трудности вызвало установление территории Белогорской волости. Вниз по Оби она ограничивалась местоположением Сухоруковских юрт, принадлежавших уже Ендырской волости. Вверх по Оби район устья Иртыша осваивали еще осяки Муалымского городка Белогорской волости⁶, но район устья Назыма (Мозыма) осваивали уже осяки Темличеевой (Базьянской) волости Сургутского уезда. Вверх по Иртышу район Самарова осваивать должны были осяки Белогорской волости, так как здесь жил во времена Ермака глава Белогорской волости князь Самар⁷. Однако выше Самарова по Иртышу находится сел. Базяны, получившее свое название от имени главы Темличеевой волости и еще в 1897 г. входившее в Темличееву волость. Пределы Белогорской волости пами установлены с учетом всех этих обстоятельств.

Что касается социального лица осяцких волостей Березовского уезда, то некоторые из них, за исключением, конечно, таких мелких, как Подгородная, Естылская, Васпукольская, представляли, по-видимому, племена. Это предположение осповывается па размерах наиболее крупных волостей, на том, что они иногда соответствовали диалектным группам, являлись единицами общественной организации осяков и возглавлялись обычно аристократическим родом. Вероятно, такие волости-племена распадались на роды, каждый из которых имел свою тамгу, видимо тотемического происхождения. Может быть, и некоторые селения (юрты, городки) соответствовали роду и имели свою тамгу. Так, из 12 кодских городков три имели тамгу с изображением птиц (утки, орла), один — оленя, один — стрелы, пять — скобеля, один — «три рубежки», один — «шайтанский мыс»⁸. В. Н. Чернецов подобрал большой материал о родах и тамгах

⁶ См. там же, стр. 431—432; С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. II, ч. 2. М., 1935, стр. 89.

⁷ См. С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. II, ч. 2, стр. 113, 140.

⁸ ЦГАДА, ф. 214, ст. 220, л. 254 об.

обских угрев⁹. Но в общем создается впечатление, что у обских угрев Березовского уезда даже в XVII в. в качестве общественного объединения на первый план выступало или племя в целом, или территориальное объединение, обособившееся подразделение племени, и только очень редко осяцкие волости XVII в. совпадали с родом.

Все, что мы знаем о хозяйстве березовских осятков в XVII в., заставляет видеть в них таких же рыболовов и, в меньшей степени, охотников, какими они оставались и позже. Но уже в XVII в. осятки в северной части Березовского уезда занимались оленеводством в таких значительных размерах, что самоеды выменивали у них олесей на пушину. Южная часть приобских хантов, в частности кодские, имела лошадей и коров.

Переходим к самоедам Березовского уезда. В ясачных книгах они разделяются на казымских и обдорских. Последние в свою очередь делятся на собственно обдорских, плативших ясак в Носовом городке (Обдорске) и на плативших ясак в Войкарском городке. Иногда в Обдорском и Войкарском городках платили ясак и довольно значительные группы пустозерских самоедов. Обдорские самоеды — это собственно иенцы, или тундровые иенцы, а казымские самоеды — так называемые лесные иенцы, или пян-хасаво. В XVI—XVII вв. казымские лесные самоеды (певцы) назывались также «кунной самоядью», очевидно потому, что платили ясак «кунами» (беличьим мехом).

До 1696 г. мы имеем данные о количестве ясака, собранного только с казымских и обдорских самоедов (табл. 21).

Таблица 21

Сбор ясака с самоедов Березовского уезда (в руб.)¹⁰

Год	Волость		Год	Волость	
	Казымская	Обдорская		Казымская	Обдорская
1629	180,90	111,14	1660	102,20	131,10
1630	185,90	134,55	1662	119,10	185,20
1631	156,00	49,04	1671	145,80	205,40
1634	107,50	116,75	1680	121,60	179,44
1636	105,00	87,24	1691	223,45	239,00
1642	143,35	100,00	1695	197,50	293,80
1645	155,50	83,38	1701	100,05	363,50
1651	156,00	105,00	1712	167,25	301,63

Колебания в количестве собранного ясака объясняются главным образом неполной явкой самоедов к платежу ясака. В ясачных книгах из года в год повторяется по этому поводу одно стереотипное объяснение: «А платят государев ясак казымская и обдорская самоядь не по окладу; кто что ясаку и какою мяжкою рухлядью даст, то у них и емлют. А приезжают самоядь в Казымскую и в Обдорскую волость для торгу в одно время по первому зимнему пути покупают у осятков рыбные запасы и быв в Казымской и в Обдорской волости отъезжают в тундры. И год перед годом самоядь приезжает неровно»¹¹.

Но иногда в ясачных книгах все же даются и другие объяснения причин уменьшения сбора ясака с самоедов Березовского уезда. Так, умень-

⁹ В. И. Черицов. К истории родового строя у обских угрев. «Советская этнография», т. VI—VII, стр. 159—183.

¹⁰ По тем же ясачным книгам, по которым составлена предыдущая таблица.

¹¹ ЦГАДА, ф. 214, кн. 19, л. 712 об.

шение сбора ясака с казымских самоедов в 1631 г. объяснено тем, что у них умерло от осны 25 «лучших людей» и 11 казымских самоедов с ясаком не приезжали, так как уехали куда-то в «далние места». Также и у обдорских самоедов рода Евасида многие в 1631 г. умерли от осны, а обдорские каменные самоеды (т. е. кочующие на левобережье Оби) не приезжали с ясаком в Обдорск, потому что слышали, что у осяков голод¹².

В 1634 г. обдорские карачайские самоеды убили 17 казымских самоедов и двух взяли в плен. Шесть казымских самоедов в этом же году жили в Сургутском уезде¹³. В 1654 г. 39 юраков (т. е. самоедов Березовского уезда) платили ясак в Мангазейском уезде¹⁴.

Таковы обстоятельства, влияющие на платеж ясака самоедами Березовского уезда. Но в целом табл. 21 все же оставляет впечатление, что численность казымских лесных самоедов в течение XVII в. мало изменилась, тогда как численность обдорских самоедов за это же время значительно выросла.

Правда, при этом надо учитывать, что, как мы уже отмечали выше, временами значительное количество обдорских и казымских самоедов платило ясак в Мангазейском уезде.

В 1634 и 1636 гг. в Верхотазском зимовье платило ясак пять человек «юрацкой каменной самояди»¹⁵.

В 1637 г. в Мангазею платило ясак девять человек рода Пяк¹⁶.

В 1651 г. в Мангазее «юрацкая самоядь» заплатила 104 соболя¹⁷.

В 1658 г. в Мангазее юраки заплатили 35 соболей, 145 песцов, 120 оленых шкур, одну норку и один пимы, а в Хантайском зимовье — одного бобра и 26 оленых шкур¹⁸.

В 1662 г. в Мангазее юраки заплатили 24 оленых шкуры, на Хантайке — семь оленых шкур¹⁹.

В 1672 г. в Мангазее было заплачено 18 песцов, 80 горностаев и 80 белок; на Хантайке — четыре оленых шкуры²⁰.

В 1680 г. в Мангазее с юраков Хынина и Качеева родов было взято 49 песцов и 33 оленых шкуры²¹.

В 1691 г. в Мангазее было взято 87 песцов, два волка, 10 белок, 31 оленья шкура, семь пар пим; на Хантайке — семь оленых шкур и в Авамском зимовье — три ровдуги и одна лисица²².

В 1693 г. в Мангазее было взято четыре лисицы, три россомахи, 60 горностаев и 14 оленевых шкур; на Хантайке — 20 песцов²³.

В 1701 г. на Хантайке с 22 юраков было взято 51 песец, один волк и 16 оленевых шкур²⁴.

В 1703 г. в старой Мангазее было взято 20 песцов, 20 горностаев, 15 постелей; на Хантайке — 19 песцов²⁵.

Эти данные нами приведены выборочно. Вообще же то или иное количество юраков платило в Мангазейском уезде ясак почти каждый год.

¹² Там же, кн. 32, лл. 313—314.

¹³ Там же, кн. 57, лл. 323—324.

¹⁴ Там же, кн. 320, л. 74 об.

¹⁵ Там же, кн. 986; кн. 117, л. 478 об.

¹⁶ Там же, кн. 95, л. 175.

¹⁷ Там же, ст. 382, л. 134.

¹⁸ Там же, ст. 572, лл. 97, 98.

¹⁹ Там же, кн. 442, л. 247.

²⁰ Там же, кн. 561.

²¹ Там же, ст. 726.

²² Там же, кн. 986, лл. 123—147.

²³ Там же, кн. 1050.

²⁴ Там же, кн. 1293, л. 63 об.

²⁵ Там же, кн. 1422, л. 212.

Более полные данные о родовом составе и числе плательщиков ясака самоедов Березовского уезда у нас имеются лишь за 1695, 1701 и 1712 гг.²⁶ Рассмотрим эти данные сначала по казымским самоедам, предкам современных лесных ненцев (табл. 22).

Таблица 22

Численность плательщиков ясака у казымских самоедов

Род	Год		
	1695	1701	1712
Айвасида	20	18	15
Карсы (Карс)	19	22	24
Недевятковой станицы	27	28	21
Ракай	39	37	47
Ватцыны станицы	22	22	19
Ниримовы Могочи	65	51	42
Всего . . .	192	178	168

Сравнив данные табл. 22 с предыдущей, можно заключить, что лесные казымские самоеды платили ясак из расчета в среднем по рублю с человека в год. В 1701 г. имела, видимо, место массовая неявка к ясачному платежу.

В названии рода Айвасида (он же Евасида) легко узнать название современного ненецкого рода Нгэвасяяда (Нгаэващата у лесных ненцев). Но названия остальных пяти родов этнографии известны. По данным Г. Д. Вербова, среди лесных пециев было четыре рода: Нгаэващата, Пяк, Вэла, Ивши²⁷. По переписи 1926—1927 гг. в Сургутском районе в роде Нгаэващата было 82 семьи, в роде Пяк — 55, в роде Вэла — 13, а в роде Еуши — 7. В Самаровском районе в 1926—1927 гг. у лесных ненцев отмечены роды Вэнко (три семьи), Маганы (одна семья), Нечу (пять семей), Ноны (одна семья)²⁸. По переписи 1897 г. у самоедов Казымской управы (т. е. у лесных ненцев) отмечены роды Ларку (43 семьи), Сынгу (26 семей), Халь (20 семей), Лянкпе (восемь семей), Нитю (девять семей), Ланку (пять семей)²⁹.

Некоторые названия родов казымских самоедов 1897 г. напоминают названия родов лесных ненцев, зарегистрированные в 1926—1927 гг. в Самаровском районе, но большинство этих названий не совпадает.

В целом можно признать, что казымские лесные самоеды, за исключением рода Нгаэващата в 1695—1712 гг., были до революции официально известны не под своими настоящими родовыми названиями, а под какими-то другими названиями, вероятно образованными от имен возглавлявших эти роды лиц. У нас нет также уверенности в том, что в XVII в. казымские лесные самоеды состояли из тех же родов, которые установил у них Г. Д. Вербов. Род Нгаэващата (Нгэвасяяда, Айвасида) зарегистрировал,

²⁶ ЦГАДА, ф. 214, кн. 1095, лл. 140—268; кн. 1305, лл. 48—165; кн. 1560, лл. 2—122.

²⁷ Г. Д. Вербов. Пережитки родового строя у ненцев. «Советская этнография», 1939, вып. II, стр. 58; его же. Лесные пеци. «Советская этнография», 1936, № 2, стр. 67.

²⁸ Населенные пункты Уральской области, т. XII, Свердловск, 1928, стр. 164—165.

²⁹ С. К. Натканов. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды пиородцев. Т. II. СПб., 1911, стр. 28—29.

как мы только что видели, в 1695 г. и упоминается по разным поводам и раньше. Но если в 1926—1927 гг. род Нгаэващата составлял половину всех лесных неицев, то в 1695 г. он включал десятую часть их общего числа. Такие изменения удельного веса родов в составе племени довольно обычное явление, причем, как правило, разрастаются пришлые роды, а сокращаются коренные роды. Что касается остальных пяти родов казымских самоедов с их странными, даже несамоедскими как будто названиями, то мы предполагаем, что это все подразделения одного большого рода, название которого ясачные сборщики в своих книгах опустили, сохранив лишь название его подразделений. Таким основным родом казымских лесных самоедов мы считаем род Пяк.

Название рода Пяк неоднократно упоминается в XVII в. Уже в «Книге Большому чертежу» 1627 г. говорится: «А за рекою за Обью 200 верст пад в море река Таз. А в Таз реку пала (река) Пур; протоку Таза реки 890 верст, а реки Пура протоку 460 верст. А по реке по Тазу, Мангазея, Самоядь Пяки»³⁰. В 1636 г. девять человек «пурковской юрацкой самояди» из рода «Пеки» заплатили ясак в Мангазейском уезде³¹. В 1641 г. в Мангазее был пойман и посажен в тюрьму «юрацкий самоедин Пекиева роду Ювага» за то, что он «побивал» в Мангазейском уезде близ Мангазеи на рыбных и заячих промыслах русских людей³². В 1645 г. женщины «пурковской воровской самояди Евасидина роду» рассказали про жену убитого стрельца, «что де шла она морем возле землю в корбасе и карбас де у псе к горам отбило и она де шла по кошке пеша и нашла де сама своих родников юраков именем Пеков...»³³. Наконец, у обдорских самоедов в ясачных книгах за 1695 и 1701 гг. отмечен небольшой «род Пяки». Очевидно, это выходцы из лесных казымских самоедов (см. ниже). Таким образом, род Пяк несомненно существовал у казымских самоедов в XVII в., но в ясачных книгах, как мы считаем, он записан под другими названиями.

Никакие другие родовые названия у лесных казымских самоедов в XVII в. нам неизвестны. Что же касается родов Вэла и Ивши (Еуши), отмеченных у лесных неицев в XX в., то с ними дело, по-видимому, обстоит следующим образом.

По Вербову, роды Вэла и Ивши не заключают между собой браков. У самоедов запрещение браков между родами может свидетельствовать об общем происхождении. В данном случае род Ивши надо считать основным, а род Вэла или ответвлением рода Ивши, или пропавшим от человека, когда-то породившегося с родом Ивши. Так или иначе в материалах XVII в. о роде Вэла никаких данных нет, о роде же Ивши много разных сведений. Как нам удалось установить с помощью наших информаторов энцев и неицев, род Ивши, он же Еуши,— это тот же род, который известен у энцев под названием Ючи (Дючи) или Юхуди и который неиццы называют Пучи (Пуци, Пути). В XVII в. род Ючи (Ючейский) был одним из основных родов лесных энцев Мангазейского уезда (см. гл. XIII), живших в верховьях р. Таза. Это был довольно многочисленный род, потомки которого сейчас имеются и среди энцев (род Ючи) и среди лесных неицев (род Ивши, или Еуши). В XVII в. члены этого рода жили и среди тундровых неицев. В 1636 г. «юрацкая самоядь Тыютова роду Юхи» в районе Надымской губы «побила» гонцов, ехавших из Мангазеи в Обдорск³⁴. Род Пучей упоминается у обдорских самоедов в 1695 г., а род Пучейский — в 1701 г. (см. ниже).

³⁰ Книга Большому чертежу. М.—Л., 1950, стр. 168.

³¹ ЦГАДА, ф. 214, кн. 95, л. 175.

³² Там же, кн. 144, л. 1031 об.

³³ Там же, ст. 143, л. 203.

³⁴ Там же, ст. 178, лл. 146, 152. По другим данным, этих гонцов побили самоеды рода Пяк.

Исходя из вышеизложенного, мы считаем, что в XVII в. лесные казымские самоеды, предки современных лесных пециев, состояли преимущественно из членов рода Пяк и сравнительно небольшого количества членов рода Айвасида (Нгаэващата). Все остальные названия родов казымских самоедов XVII в., кроме названия Аивасида, мы считаем названиями подразделений рода Пяк. Что касается родов Ючи (Еуши, Ивши) и Вэла, они в XVII в. в состав лесных казымских самоедов не входили.

Численность казымских самоедов мы будем определять, исходя из данных 1695 г. Известно, что в этом году в роде Аивасида было 20 плательщиков ясака (всего 80 чел. населения), а в роде Пяк — 172 плательщика ясака (всего около 700 чел. населения). В общей сложности в 1695 г. насчитывалось 192 ясачных казымских самоеда и всего около 770 чел. населения. В этом году не отмечался платеж юраками ясака в Мангазейский уезд, так что эти данные можно считать более или менее полными. Не явившихся к платежу мы тоже считаем в числе плательщиков ясака. Следовательно, если даже некоторые казымские самоеды платили ясак в Мангазейском уезде, они все равно продолжали числиться в составе плательщиков ясака Березовского уезда, и это обстоятельство позволяет считать вышеприведенные цифры не преуменьшающими численность казымских самоедов на 1695 г.

Поскольку у нас нет никаких других данных и поскольку казымские самоеды в начале XVII в. платили такой же ясак, как в конце этого столетия, мы будем считать, что и в начале и в середине XVII в. казымских самоедов было столько же, сколько в 1695 г.

Расселение казымских самоедов XVII в. должно было совпадать с расселением лесных пециев в XX в. Мы знаем, что они платили ясак в Юильском городке в верховьях Казыма, жили в бассейне Пура и уходили иногда в Сургутский уезд, а иногда появлялись на Тазу и у берегов Надымской губы. Все это соответствует территории современных лесных пециев, которая, по данным Г. Д. Вербова и др., охватывает верхнее и среднее течение Пура, верховья притока Таза Чесальки, верховья некоторых правых притоков Агана, верховья Лямини, Сыньяха, Казыма и Надыма. Исходя из этих данных, мы и показали казымских самоедов на карте.

Переходим к обдорским самоедам. Сначала приведем табл. 23 (стр. 73), показывающую родовой состав обдорских самоедов в 1695—1712 гг.

Отметим, что временами в Обдорске и в Войкарском городке платили ясак и пустозерские самоеды.

В 1695 г. в Березовском уезде числилось пустозерских самоедов рода Тысица 103 чел., рода Лохей — 44 чел., рода Хатанзен — шесть человек и рода Балеи — четыре человека. Кроме того, 23 имени даны под заголовком «Обдорская и Пустозерская».

В 1701 г. в Березовском уезде было пустозерских самоедов родов Тысица и Лохей 27 чел. и какого-то рода Елы пять человек.

В 1712 г. в Березовском уезде отмечен 61 пустозерский самоед рода Тысица и Лохей и 32 пустозерских самоеда без указания рода. Кроме того, в Войкарском городке заплатил ясак некий Тыяка рода Анимат (?).

Помимо того, в Березовском уезде в Обдорск одно время платили ясак самоеды Мангазейского уезда рода Аседа. В 1695 г. их было 25 чел., в 1701 г. — 19 и в 1712 г. — восемь. Появились эти самоеды в Березовском уезде после того, как они весной 1695 г. перебили ясачных сборщиков в старом Мангазейском городе. В дальнейшем все они вернулись в Мангазейский уезд. Мы их, а также пустозерских самоедов в состав постоянного населения Березовского уезда не включаем.

Данные 1701 г. явно неполны и мы на них останавливаться не будем. При сопоставлении же данных 1695 и 1712 гг. выявляется ряд несоответствий, которые следует объяснить. Обращает на себя внимание сокраще-

ние численности рода Карабея при резком увеличении численности рода Сигуней. Поскольку это родственные роды одной фратрии, вероятно, часть карабеев была в 1712 г. каким-то образом приписана к сигуням. Уменьшение численности рода Ванюта и увеличение численности родственного рода Соль-Ванюта также объясняется перетасовкой людей между этими двумя родами.

Таблица 23

Численность плательщиков яака у обдорских самоедов

Роды (в скобках современные названия)	Год		
	1695	1701	1712
Карабеекской (Харючи)	391	271	323
Яры (Яр)	45	42	83
Сигуней (Сюхуней)	50	112	183
Адеры (Игадер)	91	69	71
Ану-Карабеек (Нгано-Харючи)	43	38	53
Сабеи яптики (Сабы и Яптик)	146	97	110
Югучейской (Нгуучи)	16	12	17
Вынги (Вэйонгка)	3	—	—
Айвасида (Нгэвасида)	62	73	124
Парабы (Паравы)	12	14	11
Сопли и Япти (?)	15	10	12
Пяки (Пяк)	8	7	—
Обдорской (Саляндер)	14	8	6
Лодокуйской (Ладукай)	22	19	21
Ванюты (Вануйта)	188	105	87
Луца-Ванюта	27	23	26
Соль-Ванюта	30	60	133
Пучей (Пуци)	5	6	—
Итого обдорских	1168	966	1260
Синевская самоядь	53	53	52
Лячинская самоядь	19	21	18
Итого войкарских	72	74	70
Всего	1240	1040	1330

Обращаем внимание на то обстоятельство, что род Айвасида (он же Евасида, Наусицкий, Нгэвасида, Нгэвашата) в 1631 г. и в 1695—1712 гг. был преимущественно родом тундровых самоедов (иенцев), а не лесных, как в настоящее время. Проникновение рода Айвасида в состав лесных самоедов (иенцев), большинство которых составляют в настоящее время его потомки, в XVII в., по-видимому, еще только началось.

Род Пяки — это группа лесных самоедов рода Пяк (см. выше), видимо жившая в тундре отдельно от остальных своих сородичей. Род Пучей — это, вероятно, ассимилированная иенцами группа лесных энцев рода Ючи (Пуци, Пути по-иенецки). Род Обдорский мы отождествляем с современным родом Саляндер потому, что слово «саляндер» в переводе на русский

язык значит «обдорский» (дословно «мысовой»; Обдорск, как мы знаем, назывался «носовым городком»). Роды Луца-Ванюта («русский ванюта») и Соль-Ванюта несомненно представляют подразделение рода Ванюта (Вануйта). Род Соцли — видимо, подразделение рода Ялтик. Может быть название этого рода связано с чеченским преданием о «сопливых людях живущих где-то на Севере». Род Парабы был в Мангазейском уезде известен как Барайский род.

К сожалению, мы не можем отождествлять с современными родами чеченцев роды войкарских самоедов Синевский (Иневский) и Ляппинский. Оба эти названия территориальные — по рекам Сыне и Ляппину, — а не родовые.

Исчезновение родов Пяк и Пучей к 1712 г., очевидно, связано с их переходом к лесным казымским самоедам. Исчезнувший к 1712 г. род Выиги, вероятно, присоединился к какому-либо другому роду. Но в настоящее время этот род существует под названием Вэнонгка (Вэига).

Главным отличием родового состава обдорских самоедов XVII в. от современного родового состава обдорских чеченцев является большая численность рода Каракея в XVII в., тогда как к настоящему времени он распался на ряд новых родов. Такими родами, выделившимися из рода Харючл (Каракея) после XVII в., но в эмбриональном состоянии, может быть, существовавшими и в XVII в., являются Нгокатэта, Сэротэта, Ябтоонгэ, Тэсяда, вероятно Худя и др. Выделились новые роды и из других родов обдорских самоедов, перечисленных выше. В целом вместо 20 родов XVII в. в настоящее время у обдорских чеченцев их насчитывается не менее 70, среди них находится, правда, несколько родов из опечившихся, вероятно уже после XVII в., хантов (не считая рода Саляндер, который, как мы видели, под названием Обдорский существовал уже в XVII в.).

Численность обдорских самоедов приходится определять по данным 1695 г. Собственно ясачных обдорских самоедов было, как мы знаем, 1168 (всего 4670 чел. обоего пола). Войкарских ясачных самоедов было 72 (всего 290 чел. населения). В общей сложности ясачных обдорских самоедов, следовательно, было 1240 (всего 4960 чел. населения). Как и в отношении лесных казымских самоедов, эту цифру 1695 г. мы примем в качестве показателя численности обдорских самоедов в течение всего XVII в., хотя, как указывалось выше, есть основание предполагать, что численность обдорских самоедов в течение XVII в. несколько возросла.

О местах кочевок обдорских самоедов Березовского уезда у нас имеются такие данные. На местожительство войкарских самоедов указывают названия их родов по рекам Сыня и Ляппи и их тяготение к Войкарскому городку, где они платили ясак.

В отношении обдорских самоедов известно, что они тяготели к пизовьям Оби, куда приезжали для товарообмена с остыками Обдорской волости и для уплаты ясака в Обдорский городок. Известно также, что они кочевали в полосе туидр и лишь зимой заходили в лесотуидру. Мы имеем данные о том, что уже в 1601 г. обдорские самоеды кочевали на полуострове Ямал. «По обе стороны Мутные реки временами кочует самоядь Каракея и иные роды, а дают та самоядь ясак в Пустозеро»³⁵. Каракея — это основной род обдорских самоедов. По-видимому, они в конце XVI — начале XVII в. иногда платили ясак в Пустозерске. Среди европейских самоедов в XVII в. рода Каракея во всяком случае не было. Мутная река (Се-яха) впадает в Карское море на западном берегу Ямала севернее 70-й параллели. Другая Се-яха, или по-русски Зеленая река, носила название Се-яга Бануйта, т. е. «проходная река племени Бануйта»³⁶. Бануйта — другой

³⁵ РИБ. т. II, 1616—1624, № 254, стб. 1089.

³⁶ С. В. Бахрушип. Научные труды. Т. III, ч. 1. М., 1955, стр. 88.

большой род обдорских самоедов. Эта Се-яха впадает в Обскую губу на восточном берегу Ямала тоже севернее 70-й параллели. Таким образом, можно считать, что уже в начале XVII в. средняя часть Ямала была местом самоедских кочевий.

Без сомнения, обдорские самоеды (юраки) кочевали по южному берегу Обской губы и по берегам Тазовской губы. Документы XVII в. полны сообщениями о нападениях самоедов (юраков) на русских, высаживавшихся на берег в этих районах. В этой связи упоминаются роды Адер, Яры, Карабея³⁷. Есть основания предполагать, что здесь в низовьях Пура и Таза кочевал, в частности, род Айвасида³⁸, впоследствии вошедший в состав лесных ненцев. О давних кочевках юраков (т. е. обдорских ненцев) в районе Тазовской губы и по восточному берегу Обской губы свидетельствует и энзецкий фольклор. Однако в районе самой Мангазеи и ниже ее, близ зимовья Леденкин шар, в начале XVII в. кочевали еще предки энцев³⁹. В течение XVII в. предки ненцев — обдорские самоеды — расширили свою территорию за счет территории энцев. На Тазу граница между предками ненцев и энцев стала проходить у старого Мангазейского города⁴⁰. В атласе Ремезова есть указания, что юраки приходят на приток Енисея р. Большую Хету. Появлялись они и в районе Хантайки в низовьях Енисея и в районе современной Дудники, к югу от которой находился филиал Авамского зимовья⁴¹. Но поскольку мы стремимся показать наиболее раннюю дислокацию племен и народов, то это позднейшее распространение юраков на карте не отражаем. Нет у нас также достаточного материала для того, чтобы показать на карте распространение отдельных родов.

Все обдорские и казымские самоеды были оленеводами, хотя, за исключением отдельных семей, не особенно крутыми. Ясак платили обдорские самоеды главным образом песцами, а также горностаями и оленьими шкурами, но отдельные роды, например Аигу-карачей, — белкой. Войкарские самоеды платили ясак соболями, белкой, песцами, горностаями и оленьими шкурами. Казымские самоеды — белкой и соболями.

В лице самоедов (ненцев) Березовского уезда мы впервые встречаемся с термином «род» в русских ясачных книгах XVII в. Ни в отношении остыков (хантов), ни в отношении vogulov (манси), ни в отношении западно-сибирских татар этот термин в ясачных книгах не применялся.

Как мы видели, у обских угров Березовского уезда род не выступал на первый план по сравнению с племенной или территориальной группировкой. У самоедов было другое положение. Здесь род явился той основной социальной группировкой, которая была обнаружена у этого народа. Ниже это мы увидим и у предков энцев и у предков игаисапов. Правда, здесь не всегда ясно, имеем ли мы дело с родом или фратрией. Те роды обдорских самоедов, которые нам известны в XVII в., можно почти все по современным этнографическим данным распределить между фратриями Харючи и Вануйта, причем окажется, что в фратрии Харючи было около 600 чел., а во фратрии Вануйта — около 500 чел., но у нас нет уверенности в том, что фратриальное деление обдорских ненцев в том виде, в каком оно наблюдалось в XX в., уже существовало в XVII в. Во всяком случае в лице самоедов Березовского уезда, как обдорских, так и казымских, мы встречаемся с народом, который представляет, по сравнению с остыками и татарами, другой тип социальной организации, с явственным

³⁷ ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, л. 246.

³⁸ ЦГАДА, ф. 214, ст. 143, л. 203.

³⁹ См. гл. XIII.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 214, ст. 1533, л. 446.

⁴¹ См. гл. XIII.

Таблица 24

Этнографический состав коренного населения Березовского уезда

Этнические группы, племена, волости	Подразделения волостей	Год учета	Численность		Группы XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
			плательщиков исака	всего населения	
Остяки (ханты)					
Казым	10 городков . . .	1642	147	590	Казымская управа Березовского округа
Обдор	2 юрты . . .	1642	186	740	Обдорская волость Березовского округа
Куповат	14 юрт . . .	1642	138	550	Куповатская волость Березовского округа
Сосьва	28 юрт . . .	1642	277	1 110	Сосьвинская волость Березовского округа
Естыл	Св. нет . . .	1642	53	210	
Ляпин	10 юрт . . .	1642	160	640	Ляпинская волость Березовского округа
Подгородная	14 юрт . . .	1642	58	230	Подгородная управа Березовского округа
Белогорье	Св. нет . . .	1642	84	340	Котская управа Березовского округа
Кота	12 городков . . .	1645	304	1 220	
Ендыр	Св. нет . . .	1645	92	370	
Васпукол	—	1645	10	40	
Итого остяков			1 509	6 040	
Самоеды					
Обдорские	Роды				
	Карачея . . .	1695	391	1 560	
	Яры	1695	45	180	
	Сигуний . . .	1695	50	200	
	Адеры	1695	91	360	
	Апу-Карачей .	1695	43	170	
	Сабе и Яптики	1695	146	580	
	Югучейский .	1695	16	65	
	Вынги	1695	3	15	
	Айвасида . .	1695	62	250	
	Парабы . . .	1695	12	50	
	Сопли и Янти	1695	15	60	
	Пяки	1695	8	30	
	Обдорский . .	1695	14	60	
	Лодокуйский .	1695	22	90	
	Ваниуты . . .	1695	188	750	
	Лупа-Ваниута .	1695	27	110	
Войкарские	Соль-Ваниута .	1695	30	120	
	Пучей	1695	5	20	
Итого			1 168	4 670	
	Sиневский . .	1695	53	210	Сведений нет
	Ляпинский . .	1695	19	89	
Итого			72	290	

Таблица 24 (продолжение)

Этнические группы, племена, волости	Подразделения племен	Год учета	Численность		Группы XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
			плательщиков ясака	всего населения	
Казымские	Айвасида . . .	1695	20	80	Казымская волость Березовского округа
	Пяк	1695	172	700 }	
	И т о г о		192	780	
	И т о г о самоедов		1 432	5 740	
	В с е г о		2 941	11 780	

делением на племена, роды и, может быть, даже на фратрии. Не случайно, вероятно, и то обстоятельство, что эти ясно выраженные родовые деления обнаруживаются у первого же народа, ведшего кочевой образ жизни, и что эти родовые деления не были столь явственно выражены в XVII в. у оседлых остыаков и vogulov.

Родоплеменной состав населения уезда приведен в табл. 24.

Г л а в а VIII

СУРГУТСКИЙ УЕЗД

В Сургутский уезд входило все хантыйское население, жившее по Оби и ее притокам выше устья Иртыша, несколько групп селькупов, живущих в пизовьях Васюгана, по Тыму, в верховьях Ваха, и одна группа кетов в верховьях Сымса. Все это население наши источники называют осяками и отнесение отдельных групп его к хантам, селькупам и кетам мы сделали уже сами, руководствуясь этнографическими данными, топонимикой и отчасти, в отношении кетов, по собственным именам этих осяков.

Город Сургут был построен в 1594 г. воеводами Ф. Борятийским и В. Аничковым в качестве опорного пункта на Оби выше устья Иртыша. Сургут должен был прикрывать русские владения от нападения главы ярымских селькупов князца Вони и служить базой для дальнейшего продвижения русских вверх по Оби. В некоторой степени Сургут явился преемником так называемого Обского городка, построенного воеводой Мансуровым в 1585 г. на правом берегу Оби близ устья Иртыша. Из этого Обского городка тобольские служилые люди собирали ясак с осяков, живших по Оби выше устья Иртыша. Постоянного контингента служилых людей Обский городок не имел, и в него посыпались «годовальщики» из Тобольска. С основанием Сургута Обский городок прекратил свое существование.

Свое название г. Сургут и Сургутский уезд получили от какого-то старого названия местности, где был построен город. Может быть, так называлось хантыйское племя, возглавлявшееся князем Бардаком (см. ниже).

Территория и население Сургутского уезда в течение XVII в. претерпели ряд изменений.

В самом конце XVI и начале XVII в. в Сургутский уезд входили также территория и население будущих Нарымского и Кетского уездов. Около 1670 г. из Сургутского уезда в Тобольский отошли волости Темличеева (Базынская) и часть Салымской и Селипарской. В 1610 г. из Березовского уезда в Сургутский перешла часть Белогорской волости, но с 1668 г. эта часть Белогорской волости, за исключением пяти человек (как и та часть Белогорской волости, которая осталась в Березовском уезде), перешла в Тобольский уезд. С 1644 г. в Сургут стала платить ясак и Ваховская волость, до этого находившаяся в ведении кидских князей Алачевых. В конце XVII в. из Сургутского уезда были переданы в Нарымский уезд волости Ларьятская, Васюганская и часть Тымской.

Но мы не будем учитывать все эти изменения и рассмотрим Сургутский уезд в его первоначальном виде, без Белогорской волости, включая целиком волости Темличееву, Салымскую, Васюганскую, Ларьятскую, Тымскую и Ваховскую.

По этнической принадлежности населения мы считаем хантскими волости Темличеву (Базыянскую), Салымскую, Селиарскую, Аслынскую, Юганскую (в том числе и отделенную от нее и поселенную под городом «для подвод» Подгородю-Юганскую), Бардакову, все три Лунпокольские волости, Ваховскую и Васюганскую. Селькупскими мы считаем волости Ларьятскую, Тымскую и Караконскую¹. Наконец, Сымскую волость — считаем кетской.

Одна небольшая группа населения Сургутского уезда первоначально фигурирует в ясачных книгах под названием «ваховских татар и остыков». П. Н. Буцинский предполагает, что это те же остыки, но «принявшие магометанство»². Поскольку трудно предполагать, что какая-либо группа татар в начале XVII в. оказалась на Вахе, мнение Буцинского по этому вопросу кажется наиболее вероятным. Поэтому мы не будем в дальнейшем выделять в составе населения Сургутского уезда татар, хотя это название и имеется в источниках. В табл. 25 (стр. 80) приводятся данные о плательщиках ясака Сургутского уезда по годам.

В 1636 г. был произведен переучет плательщиков ясака, в результате которого выявились много «новиков», отчего численность плательщиков ясака резко возросла. К 1642 г. в Лунпукольских волостях два плательщика ясака были убиты самоедами. Вообще пометки об убийстве плательщиков ясака самоедами встречаются в сургутских ясачных книгах часто. В 1645 г. самоеды убили двух человек в Караконской волости, в 1651 г.— четырех человек в Бардаковой волости и т. д. В 1660 г. снова был произведен переучет плательщиков ясака, отчего их численность по ясачным книгам опять возросла. Особенно быстро увеличивалась численность тымских селькупов и одновременно столь же быстро сокращалась численность сымских кетов.

Увеличение численности тымских селькупов, вероятно, связано с их продвижением на север и освоением вместе с караконскими селькупами верховьев Таза. Мы одно время были склонны связывать увеличение численности тымских селькупов с уменьшением численности закаменных кетов Мангейского уезда (см. гл. XIII). Однако оба эти процесса не совпадают хронологически. Вполне вероятно, что отдельные выходцы из кетов и разных групп селькупов, в частности из Кетского уезда, пополняли ту часть тымских селькупов, которая продвигалась на север, на Таз. Что касается уменьшения численности сымских кетов Сургутского уезда, то она происходила, судя по пометкам в ясачных книгах, главным образом в результате ухода на Енисей и «Инбак» (вероятно, Елогуй).

Для определения первоначальной численности населения Сургутского уезда мы берем данные по разным волостям за разные годы, смотря по тому, в каком году есть основания считать, что плательщики ясака данной волости были учтены наиболее полно. Для начала XVII в. мы взяли данные 1625, 1636 и 1645 гг., для середины XVII в.— данные 1660 и 1662 гг. и для конца этого столетия — данные 1701 и 1706 гг. Результаты подсчетов приведены в табл. 26. (стр. 81).

¹ Тымскую и Караконскую волости мы считаем селькупскими потому, что потомки членов этих волостей, переселившиеся на Таз, являются селькупами, хотя ассимилировавшими некоторые кетские элементы, как и потомки тех членов Тымской волости, которые остались на Тыме. Ларьятскую волость мы считаем селькупской потому, что селькупами были члены этой волости еще в XIX в. (см. Н. Григоровский. Описание Васюганской тундры. «Записки западно-сибирского отдела РГО», кн. VI, Омск, 1884, стр. 51, 61). Ханты Васюган заселялся с запада, с Югана (там же, стр. 37), а селькупов приходится считать аборигенами низовьев Васюгана. С XVII в., вероятнее всего, ханты могли здесь потеснить селькупов, а не наоборот.

² П. Н. Буцинский. К истории Сибири. «Записки Харьковского ун-та», 1893, кн. 2, часть неофициальная, стр. 63.

Таблица 25

Численность плательщиков ясака Сургутского уезда³

Волости	Г о д																		
	1624	1625	1626	1629	1630	1631	1636	1642	1645	1651	1660	1662	1671	1680	1692	1701	1706		
Юганская	102	108	108	96	98	99	118	113	102 }	126	172	161	130	133	140	127	148		
Подгородно-Юганская	48	20	20	20	19	18	24	24	23 }										
Салымская	79	81	81	69	68	66	70	73	69	90	78	73	63	76	48	50	56		
Селиарская	31	37	37	30	30	31	33	28	24	23	27	27	14	18	13	16	17		
Аслынская	3	4	4	4	3	5	4	4	—	1	1	2	2	2	2	2	3		
Темличесва	42	60	60	56	56	55	70	64	63	62	71	69	68	68	55	76	75		
Ваховские татары и остыки .	9	6	6	4	4	3	5	5	5	4	6	6	3	4	6	4	5		
Ваховская (б. князя Алачева)	(60)	(60)	(60)	(60)	(60)	57	(100)	(100)	95	89	102	100	69	60	52	42	43		
Луинукольские	176	173	173	167	165	167	229	190	179	161	272	269	254	233	171	177	192		
Васюганская	84	84	81	75	75	74	88	84	68	68	100	106	98	100	87	91	91		
Бардакова	89	89	87	81	80	74	78	85	89	77	102	94	71	72	70	62	66		
Итого хантов . . .	693	722	717	662	659	647	820	770	701	680	931	906	769	766	644	647	696		
Ларьятская	34	34	33	28	29	29	42	40	32	31	38	39	34	24	26	17	17		
Тымская	57	61	50	49	49	51	96	90	84	91	109	106	104	92	97	120	120		
Караконская	22	22	20	18	18	17	22	20	24	24	26	24	31	31	27	28	28		
Итого селькупов .	143	143	103	95	96	97	160	150	140	146	173	169	169	147	150	165	196		
Сымская	16	16	15	9	9	8	7	6	6	5	8	8	8	6	4	2	2		
Всего	822	851	835	835	767	752	987	926	847	831	1112	1083	946	919	798	814	863		

³ Эта таблица составлена по следующим книгам фонда 214 ЦГАДА: 4 (лл. 262—319), 19 (лл. 581—624), 22 (лл. 580—622), 32 (лл. 1095—1133), 154 (лл. 515—610), 477 (лл. 179—259), 260 (лл. 123—141), 271 (лл. 796—926), 274 (лл. 209 об.), 411 (лл. 287—313), 442 (лл. 150—166), 548 (лл. 236—250), 674 (лл. 93—107), 1009 (лл. 74—76), 1297 (лл. 98 об.—116), 1448 (лл. 40—69).

Данные по Ваховской волости за 1631 г. заимствованы нами у С. В. Бахрушина (Научные труды, т. III, ч. 2, М., 1955, стр. 121). Данные по Ваховской волости за 1624, 1625, 1626, 1629, 1630, 1636 и 1642 гг., взятые в скобки, указаны нами ориентировочно, но в итоги они включены. Ряд данных по Салымской (Салминской), Селиарской и Темличесвой волостям заимствованы из материалов по Тобольскому уезду, начиная с 1671 г. В течение всего XVII в. платило ясак в Сургутском уезде, как указано выше, и небольшое количество остыков Белогорской волости: 9—10 чел. в 1624—1636 гг., 13—16 чел. в 1642—1662 гг. и пять человек в 1671—1706 гг. Как указано выше, Белогорская волость входила в ту же часть, которой платили ясак в Сургутский уезд, покинув в составе Березовского уезда.

Численность коренного населения Сургутского уезда

Этническая группа	Начало XVII в.		Середина XVII в.		Конец XVII в.	
	плательщиков ясака	всего населения	плательщиков ясака	всего населения	плательщиков ясака	всего населения
Ханты . . .	841	3380	937	3750	697	2800
Селькуны . .	160	645	174	700	165	660
Кеты . . .	16	65	8	30	2	10
Всего	1017	4090	1119	4480	864	3470

При определении окончательного списка волостей Сургутского уезда мы объединили волости Юганскую и Подгородно-Юганскую в одну Юганскую волость, а ваховских «татар и остыков» и Ваховскую волость князей Алачевых в одну Ваховскую волость. Разделение этих волостей было искусственным, вызванным текущими нуждами русской администрации и политическими отношениями с коксими князьями Алачевыми, и поэтому оно нами не учтено при составлении окончательного списка волостей. Также и Луннукольскую волость мы показываем целиком, не деля ее на 1, 2 и 3-ю Луннукольские волости. В отношении Аслынской волости в ясачных книгах имеется указание, что она являлась подгородной. Мы предполагаем, что эта волость представляет немногочисленную группу хантов Салымской волости, посаженных под городом для «подводной гоньбы», так же как для этой цели из состава Юганской волости была выделена Подгородно-Юганская. Поэтому мы ее отдельно в итоговой таблице и на карте не показываем, а объединяем с Салымской волостью.

П. Н. Буцинский указал местоположение волостей Сургутского уезда⁴ в общих чертах, а в отношении Ларьятской (Лариатской) волости — неверно. Мы руководствовались при определении территорий волостей, кроме их названий, данными С. К. Патканова о местоположении волостей и входящих в них населенных пунктов, взятыми из материалов переписи 1897 г. и др.⁵ При этом надо заметить, что волости, входившие в XVII в. в Сургутский уезд, входили в 1897 г. в три округа — Сургутский и Тобольский Тобольской губернии и Томский Томской губернии. Кроме того, надо иметь в виду, что из части волостей выделились новые волости с чисто территориальными названиями. Соответствие этой новой системы волостей, существовавшей к 1897 г., с системой волостей Сургутского уезда в XVII в. показано в табл. 27 (стр. 85) этнографического состава населения Сургутского уезда в XVII в.

Известно, что центром остыцкого княжества Бардака (в дальнейшем Бардаковой волости) был городок в устье р. Тром-югана и что сам г. Сургут был основан на территории этого княжества (волости). Некоторые указания дают также топонимика. Так, название с. Селиарова указывает, очевидно, на местоположение Селиарской волости, а название с. Базьяны уточняет на Иртыше пределы Темличеевой (Базьянской) волости, которая занимала главным образом низовья р. Назыма (Мозым), впадающей в Обь справа немного выше устья Иртыша.

⁴ См. П. Н. Буцинский. К истории Сибири. «Записки Харьковского училища», 1893, кн. 2, часть неофициальная, стр. 63.

⁵ См., например, описание местоположения волостей Сургутского уезда у С. К. Патканова. (Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири т. II, СПб., 1911, стр. 123—127).

Обычно Ларьятскую волость Сургутского уезда XVII в. помещают в р. Вах, предполагая, что название с. Лариакского, административного центра бассейна Ваха, восходит к названию этой волости. Такого мнения придерживаются, например, Буцинский⁶ и Шатилов⁷. Но эти не учли, что вплоть до начала XX в. существовала Ларьятская волость в низовьях Васюгана. Судя по тому, что Ларьятская волость в XVII в. в перечнях волостей Сургутского уезда всегда упоминается между Васюганской и Тымской, вероятно, она является именем этой волости в низовьях Васюгана. Это подтверждается тем, что в конце XVII в. Ларьятская волость вместе с Васюганской и Тымской перешла в Нарымский уезд. Если бы Ларьятская волость находилась на Вахе, то вместе с ней должны были бы перейти к Нарыму Луннукольская и Ваховская волости, но этого не произошло. Что касается названия с. Лариакского, то оно, видимо, образовалось независимо из хантайского словосочетания «лар-ях», что значит «народ с сора»⁸. Так могли ханты называть в XVII в. селькупов низовьев Васюгана, и таким образом получилось официальное название этой волости. Но еще в начале XX в. население Ларьятской волости на Васюгане было селькупским.

Караконскую волость мы показываем в верховьях Ваха. Здесь находится и речка Каалькы-йогап, от селькупского названия которой Каалькы («йогап» — это река по-хантски, «кы» — река по-селькупски, Каалькы — значит Журавлиная река) и получила, вероятно, свое название Караконская волость. Еще в XIX в. «Каракольская» волость числилась в верховьях Ваха. Ниже мы увидим, что в 1668 г. Вах и Таз упоминаются в качестве местожительства тымских и караконских осяков. Да и попасть на Таз селькупы могли, только пройдя верховья Ваха.

С селькупами Сургутского уезда связан интересный эпизод в этнической истории Сибири, а именно — пропадение селькупов на Таз и Турухан. Так как оно происходило в основном в XVII в., то нашло свое отражение и в документальных источниках. Изложим некоторые из них.

В 1629 г. в ясачных книгах отмечено, что тымские и караконские осяки «сошли» для «вешних звериных промыслов» в далекие места. Сымские осяки в этом же году «сошли на Енисею» и до 21 июня в Сургут не приходили⁹.

В 1630 г. отмечалось, что многие караконские осяки «сошли на Енисею» и в свои юрты не возвращались¹⁰.

В 1631 г. некоторые тымские осяки уходили в дальние места и не возвращались в свою волость. Караконские и сымские осяки частично «сошли на Енисею безвестно»¹¹.

В 1632 г. в Тымскую волость вернулся один плательщик ясака, который в 1631 г. «был на промыслу на самоедской стороне и сказали про него, что ево самоядь убили». Относительно некоторых тымских осяков помечено, что они «сошли на Енисею реку безвестно». В Караконскую волость вернулось три человека, которые «в прошлом де во 139 году были на промыслу в дальних местах на Тазовской стороне». В Сымской волости один человек, про которого думали, что его убили тунгусы, вернулся с Енисея. «Иные ясачные люди с Сыму сошли на Инбак реку безвестно». В этом же году из Бардаковой волости три человека тоже были на про-

⁶ См. И. И. Буцинский. К истории Сибири. «Записки Харьковского уездного землемера», 1893, кн. 2, часть неофициальная, стр. 63.

⁷ См. М. Б. Шатилов. Ваховские осяки. Томск, 1931, стр. 22, 26, 28.

⁸ Сор — это заливной луг (см. М. Б. Шатилов. Выховские осяки, стр. 22).

⁹ ЦГАДА, ф. 214, кн. 19, лл. 614—619.

¹⁰ Там же, кн. 22, лл. 611—616.

¹¹ Там же, кн. 32, ч. II, лл. 1123—1129. Сымские «ясачные люди» «сошли на Енисею» именем «с Сымской реки».

мысле в «самоедской стороне», а «ларьяцкие люди сошли на ваховские вершины»¹².

В 1637 г. три осяка Закаменского зимовья Мангейского уезда были взяты в Сургут как бывшие сургутские плательщики ясака¹³.

В 1642 г. сургутский воевода Андрей Вельяминов писал, что сургутские плательщики ясака ходили на промысел «в дальние места на Енисею и на Тазовскую сторону»¹⁴.

В 1645 г. двух караконских осяков убили самоеды¹⁵.

В 1649 г. самоеды мангейского уезда Ледерей и Подсадик узпали от осяков (кетов) Ишибатского зимовья, что сургутские осяки ограбили двух кетов и хотят идти войной на Мангейский уезд¹⁶.

В 1653 г. вышеупомянутый верхотазский самоедский (рода Муггади) князец Ледерей «с товарищи» сдал в Мангазею 20 соболей, взятых «на бою у воровских осяков»¹⁷.

В 1654 г. эти «воровские осяки» убили на Тазу, на Большой соболиной реке, десять верхотазских самоедов мужчин и женщин, в том числе Ледеря, а шесть женщин и ребенка взяли в плен¹⁸.

В 1656 г. мангейский воевода Игнатий Корсаков послал стрельца Ивана Сорокина мирить живших на Тазу тымских и караконских осяков с мангейскими ясачными самоедами. В результате этой миссии было заключено перемирие. В 1660 г. тымские и караконские осяки встретились с самоедами на промысле и самоеды предложили осякам приехать в Мангазею «и помиритца б им промеж собою в съезжей избе перед воеводой вековым миром чтоб им тымским и караконским ясачным людям с тою мангейскою самоядью жить вместе и промышлять.. безо всякого опасу». Осяки послали мириться Коготайка Сюдина (Сюксина?) и Сайгодку Дедегитова «с товарищи»¹⁹. От последнего произошла многочисленная патронимия караконских селькупов на Тазу — Сайготины «Дедэгэт» по-кетски значит «орлиный человек». Сайготины, как все караконские селькупы в последнее время, принадлежали к роду Лимбыль-тамдыр, что значит «Орлиный род».

С 1665 г. в Мангазее с нарымских и сургутских осяков брались ясак и поминки: в 1665 г.— 16 соболей, в 1666 г.— 24 соболя, в 1667 г.— 16 соболей, в 1668 г.— четыре соболя²⁰.

В 1668 г. в Сургуте осяки Тымской волости Чомонак Мучин и Максар Нюнголин и Караконской волости Тиан Пышников заявили, что с тымских осяков Калиша и Чокура Баркотяровых и караконских Магача и Кени Тадебиних ясак взят в Туруханске. В том же документе указано, что из Сургутского уезда, с Ваха и «Тазовской стороны», сбежали Тымской волости Чокур Баркотяров, Карлака Тогин, Караконской волости Молгет Коктапов с сыном Чопком, Магыча Тадебин и Сымской волости Онега Тымин²¹. Фамилии Нюнголин, Калишев, Чокуров, Молгетов, Чомонак, Магычев, Онин существовали у селькупов на Тазу и Турухане еще в XIX в.

В 1683 г. прошел слух, что тымские осяки хотят идти «нобивать на смерть» обдорских самоедов. В сыске по этому делу Тымской волости

¹² Там же, кн. 34, лл. 159, 173, 174, 177, 178, 182, 186.

¹³ Там же, кн. 117, л. 516 об.

¹⁴ Там же, ст. III, л. 20.

¹⁵ Там же, кн. 177, лл. 229—233.

¹⁶ ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, л. 231.

¹⁷ ЦГАДА, ф. 214, кн. 320, л. 77.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 214, кн. 320, л. 57; см.: С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. III, ч. 2. М., 1955, стр. 9.

¹⁹ ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, л. 253.

²⁰ ЦГАДА, ф. 214, кн. 478, ст. 797, 864; кн. 513.

²¹ ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, лл. 258 об., 260.

Когота Сюкейи, Келдеяр Ерганов и Караконской волости Чомка Молчанов, Кирка Дедегитов и Тоглемко Сайгодин «с товарищи» в свою очередь предъявили претензию березовским самоедам за то, что они «по многие времена к ним на Тазовскую сторону прихаживали и многих ясачных осяков побивали»²².

В 1693 г. шесть сургутских осяков пришли в Мангазею (т. е. Туруханск) и были членом, чтобы им платить здесь ясак. Им разрешили платить по три соболя с человека²³. В 1696 г. в Туруханске платило ясак восемь сургутских осяков, в 1697 г.—12, в 1698 г.—16, в 1699 г.—девять, а семь по-прежнему платило ясак в Сургут. В 1700 г. в Туруханске платило ясак 12 сургутских осяков, в 1701 г.—18, в 1702 и 1703 гг., судя по количеству сданной пушнины,—около 20²⁴.

К 1701 г. Тымская волость была разделена. Та часть ее (73 плательщика ясака), которая осталась на Тыме вместе с Ларьятской и Васюганской волостями, перешла в Нарымский уезд. В Тымской же волости жили оставшиеся два человека Сымской волости. Остальные 42 чел. Тымской и все 28 чел. Караконской волостей жили тогда на Тазе и продолжали состоять в Сургутском уезде. Для этой части Тымской волости появляется новое название — «Тымская волость Тазовской стороны»²⁵.

В 1706 г. в «Тымской волости Тазовской стороны» был 31 плательщик ясака, а остальные 65 тымских осяков жили на Тыме и платили ясак в Нарым. Кроме того, еще восемь тымских осяков находились в «Туруханском уезде», а шесть — «в побегах на Тыму и Сыму реках в Нарымском уезде». В 1706 г. два человека Сымской волости продолжали жить в Тымской волости на р. Тым. В Караконской волости на Тазу было 18 чел. и семь человек жило «в побегах в Туруханском и в Нарымском уездах из Енисея и на Тыму и на Сыму реках»²⁶.

Так в течение XVII в. образовалась группа тымских и караконских селькупов на Тазе. Что касается баихинских селькупов на Турухане, то они образовались от смешения вышеупомянутых осяков (селькупов), которые стали платить ясак непосредственно в Туруханск и поселились по рекам Верхней и Нижней Баихам в бассейне Турухана, вместе с поселившимися здесь же кетами.

У всех осяков Сургутского уезда в качестве главного занятия указывается в источниках рыболовство. Обеспечение себя запасами рыбы в зиму являлось и главным условием успешного охотниччьего промысла. Ни об оленеводстве, ни о копеводстве и скотоводстве у сургутских осяков XVII в. в известных нам материалах ничего не сказано.

По этнографическим данным известно, что потомки Ларьятской волости, оставшейся на Тыме части Тымской волости называют себя «чумылькуп». Так же называют себя и потомки осяков Верхней и Нижней Нарымских волостей²⁷. По-видимому, это было одно племя. Потомки Караконской и Тымской «Тазовской стороны» волостей называют себя «селькуп». Вероятно, сначала так себя называли лишь осяки Караконской волости, в которых можно видеть ассимилированных кетов, а затем, после переселения на Таз и установления тесного контакта с караконскими осяками, так стала называть себя и тазовская часть Тымской волости.

Что касается волостей хантов Сургутского уезда, то они, как и волости хантов Березовского уезда, тоже, вероятно, представляли собой племена и территориальные подразделения племен.

²² ДАИ, т. XI, № 28, стр. 87.

²³ ЦГАДА, ф. 214, кн. 1050, л. 97.

²⁴ Там же, кн. 1107, 1165, 1220, 1293, 1353, 1422.

²⁵ Там же, кн. 1297, лл. 109—113.

²⁶ Там же, кн. 1448, лл. 66—68.

²⁷ См. гл. IX.

Таблица 27

Этнографический состав коренного населения Сургутского уезда

Этнические группы, племена (волости), отдельные роды	Число киртов	Год учета	Численность		Группы XIX в., соответствующие племенам (волостям) и родам XVII в.
			плательщиков писка	всего населения	
Остяки (ханты)					
Юганская	38	1636	142	570	Подгородно-, Больше- и Мало-Юганские волости Сургутского округа
Салымская (с «Аслымской»)	12	1625	86	340	Салымская волость Сургутского округа
Селиарская	11	1625	37	150	Селиаровская и Пимская волости Сургутского округа
Темличеева	Св. нет	1636	70	280	Темлячевская волость Тобольского округа
Ваховская	12	1645	100	400	Верхне- и Нижневаховская, Ваховская и 2-я Салтыкова Сургутского округа
Аганская (Бардакова)	14	1625	89	360	Аганская и тром-юганские волости Сургутского округа
Лунукольские	16	1636	229	920	Лунукольские, 1-я Салтыкова, Пирчинская волости Сургутского округа
Васюганская	17	1636	89	360	Васюганская волость Томского округа
И т о г о			842	3380	
Остяки (селькуны)					
Ларятская	6	1636	42	170	Ларятская волость Томского округа
Тымская	12	1636	96	385	Тымские волости Томского округа и Тымская управа Туруханского края
Караконская	Св. нет	1636	22	90	Караконская управа Туруханского края
И т о г о			160	645	
Остяки (кеты)					
Сымская	Св. нет	1626	16	65	Частично слились с караконскими и тымскими остяками (селькунами), частично вошли в состав сибирских остяков (кетов)
Всего			1018	4090	

Волости осяков Сургутского уезда или составлявшие эти волости роды имели свои эмблемы (так называемые «значения»). Так, эмблемой 1-й Лунпукольской волости была ель, 2-й — филин, 3-й — соболь. Кроме того, у осяков лунпукольских волостей была еще эмблема — месяц. Очевидно, в связи с переселением лунпукольских осяков на Бах позже здесь у осяков Ларьятской управы тоже появилась эмблема — ель. В XVII в. ваховские осяки имели в качестве эмблем изображения лука и олена. Эмблемой Бардаковой волости был тоже олень, хотя позже Г. Д. Вербов установил у потомков осяков Бардаковой волости, у аганских хантов, роды Лося, Бобра и Медведя. Бобра в качестве эмблемы имела в XVII в. Васюганская волость. У Юганской волости в XVII в. эмблемой была тетеря. Глава Темличеевой волости Тимошка Темличеев в 1647 г. в качестве своей эмблемы нарисовал лисицу, а другой осяк этой же волости — оленя. У селькупов Ларьятской волости с низовьев Баха эмблемой была выдра, а кет Сымской волости Лефинкет Даншин в 1647 г. вместо подписи нарисовал орла²⁸.

По этнографическим данным, у селькупов Караконской волости известны эмблемы журавль (старая, к которой, вероятно, и восходит название волости) и орел (современная, которую, может быть, привнесли ассилированные караконскими селькупами сымские кеты). У селькупов Тымской волости, живущих на Тазе, эмблемой была, по этнографическим данным, птица кедровка или рыба окунь, у тымских селькупов, оставшихся на Тыме, — медведь, ворона, глухарь, ястреб и др.²⁹ Род Глухаря известен и у переселившихся на Турухан байхинских селькупов..

К сожалению, до сих пор не удалось найти тамг («значения») осяков Тымской и Караконской волостей XVII в. В случае их обнаружения можно было бы опираться на этот материал при решении вопроса о происхождении современных эмблем тымских и караконских селькупов. Но надо иметь в виду следующее: и на Тым и на Таз и Турухан после XVII в. проникали селькупы с Кети и Оби, в результате чего с XVII в. родовой состав тымских, караконских и байхинских селькупов мог усложниться.

Остается также неясным, в каком соотношении находились группы осяков Сургутского уезда, имевшие эмблемами изображения животных и птиц, с известными нам волостями. Здесь необходимо еще специальное исследование. Вероятно, в ряде случаев волость совпадала с родовой группой, имевшей единую эмблему, но возможно, что в волости, как в племени, было объединено несколько родов с разными эмблемами.

В итоговой табл. 27 (стр. 85) мы приводим данные о составе населения Сургутского уезда в XVII в.

²⁸ См. В. Н. Чернецов. К истории родового строя у обских угров. «Советская этнография» 1947, т. VI—VII, стр. 163—165; Г. Д. Вербов. Лесные кеты. «Советская этнография», 1936, № 2, стр. 69; ЦГАДА, ф. 214, ст. 308, лл. 120—126.

²⁹ См. Е. Д. Прохорова. К вопросу о социальной организации селькупов. «Труды Ин-та этнографии», т. XVIII, М.—Л., 1952, стр. 90—91.

Г л а в а IX

НАРЫМСКИЙ УЕЗД

Можно считать, что Нарымский уезд по входившему в него населению соответствовал объединению селькупов XVI в., известному в истории освоения русскими Сибири под названием Пегой орды, возглавлявшейся князем Боней.

Нарымский острог был построен в 1596 г.— в год приведения в русское подданство Пегой орды. В 1619 г. после пожара он был перенесен на новое место, а в 1632 г. туда, где сейчас находится с. Нарым. Еще в 1610 г. территория и население будущего Нарымского уезда входили в Сургутский уезд¹ и в Нарымский острог присыпался гарнизон («годовальщики») из Сургута. Но в 1619 г. в Нарыме уже был самостоятельный воевода. По Буцинскому, Нарым стал самостоятельным городом со своим воеводой и, следовательно, с уездом между 1612 и 1618 гг.²

В пределы Нарымского уезда входила р. Обь от устья Кети до устья Васюгана, а также бассейны притоков Оби на этом пространстве — Парабели, Пайдугины, Пиковки и др. Как мы знаем, в конце XVII в. в Нарымский уезд из Сургутского перешли волости Васюганская, Нарьянская и Тымская. С другой стороны, в 1635 г., а окончательно с 1641 г. из Нарымского уезда в Томский перешли волости Чайская и Большая и Малая Чурабарские. В конце XVII в. к Нарымскому уезду фактически был присоединен целиком и весь Кетский уезд (см. ниже). Но мы будем рассматривать Нарымский уезд в его первоначальных границах.

Все население Нарымского уезда составляли остыки (селькупы). В табл. 28 (стр. 88), приведен список волостей Нарымского уезда с данными об изменении численности плательщиков ясака в них в течение XVII в.

Уменьшение численности нарымских остыков к 1632 г., вероятно, является следствием эпидемии оспы в 1630 г. В 1664 г. в Нарымском и Кетском уездах тоже была эпидемия оспы. Известно также, что в 1-й Парабельской волости между 1630 и 1665 гг. «умерли и откочевали в колмаки и сбежали в Тарский уезд в Барабу» 13 плательщиков ясака. С другой стороны, в 1670 г. в 1-й Парабельской волости жило три выходца из Барабы. В 3-й Парабельской волости к 1665 г. умерло и сбежало в Барабу девять человек. Надо также иметь в виду, что в 1681 г. в Нарымском уезде было 38 захребетных остыков, которые помогали платить ясак своим родственникам, но в ясачные книги вписаны не были. Следовательно,

¹ См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I. М.—Л., 1937, стр. 431.

² См. П. Н. Буцинский. К истории Сибири. «Записки Харьковского ун-та», 1893, кн. 2, часть неофициальная, стр. 75—76.

Таблица 28

Численность плательщиков ясака Нарымского уезда³

г о л

Волости	г о л										
	1629	1630	1631	1632	1635	1641	1661	1670	1681	1693	1702
Нарымская Нижняя . . .	40	43	43	43	42	40	45	42	39	36	36
Нарымская Верхняя . . .	55	57	57	51	49	46	32	25	21	17	17
Нарымская отдельная . . .	—	—	—	—	—	—	—	19	18	14	14
Парабельская 1-я	32	33	33	31	29	21	27	25	23	20	20
Парабельская 2-я	20	20	20	20	19	17	19	17	12	11	11
Парабельская 3-я	38	40	38	37	34	36	12	13	10	10	10
Парабельская 3-я отдель- ная	—	—	—	—	—	—	—	12	10	9	9
Парабельская 4-я	18	18	18	14	14	12	15	13	13	9	9
Ларинская	26	30	30	27	25	24	25	23	22	16	16
Никовская	16	20	20	20	19	17	16	11	11	7	7
Тогурская	30	32	32	31	29	24	23	19	18	12	14
Чурабарская Большая . . .	20	22	22	21	19	19	13	7	11	7	7
Чурабарская Малая . . .	10	13	13	13	13	13	4	4	6	4	4
Чаинская	32	30	30	29	17	17	14	7	10	7	7
Всего . . .	337	358	358	329	312	284	269	236	227	179	181

уменьшение числа плательщиков ясака к 1681 г. фактически было меньшее, чем явствовало из выше приведенных данных.

В общем можно считать, что в начале XVII в. в Нарымском уезде было 360 плательщиков ясака (всего 1440 чел. населения), в середине XVII в.— около 270 плательщиков ясака (примерно 1080 чел. населения) и в конце XVII в.— до 220 плательщиков ясака (около 880 чел. населения).

Первоначально Нарымская волость не делилась на Верхнюю и Нижнюю, Парабельская волость — на 1, 2, 3 и 4-ю, а Чурабарская — на Большую и Малую. Поэтому мы на карте и в итоговой табл. 29 будем давать все эти волости без их позднейших подразделений. Но надо иметь в виду, что внука главы Нарымской Нижней волости Кичея была замужем за главой Нарымской Верхней волости Тойбохтой Вониным⁴. Таким образом, можно предположить, что подразделения Нарымской волости представляли экзогамные единицы, а Нарымская волость в своем первоначальном составе, следовательно, не являлась экзогамной фратрией или родом. Вероятно, что родами были и подразделения Парабельской и Чурабарской волостей.

Судя по этнографическим данным Е. Д. Прокофьевой и Г. Ф. Дебенга, потомки членов Нарымской волости называют себя чумылькуп, Ларинскую, Никовскую и Тогурскую — сюссекум, Чурабарской и Чаинской — шенкум и Парабельской — массун (или мась)-кула. Распространение чумылькупов соответствует распространению северного, или нарымского,

³ Эта таблица и комментарии к ней составлены по следующим книгам фонда ЦГАДА: 19 (лл. 735—767), 22 (лл. 850—872), 32 (лл. 1007—1029), 34, 271 (лл. 248—270), 427 (лл. 454—458), 444, 450 (лл. 53—81), 438 (лл. 471—488), 713 (лл. 247—264, 364, 368, 373), 716 (лл. 906—921), 1045 (лл. 70—81), 1070 (лл. 47—64), 1367 (лл. 51—69).

⁴ См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I, стр. 500.